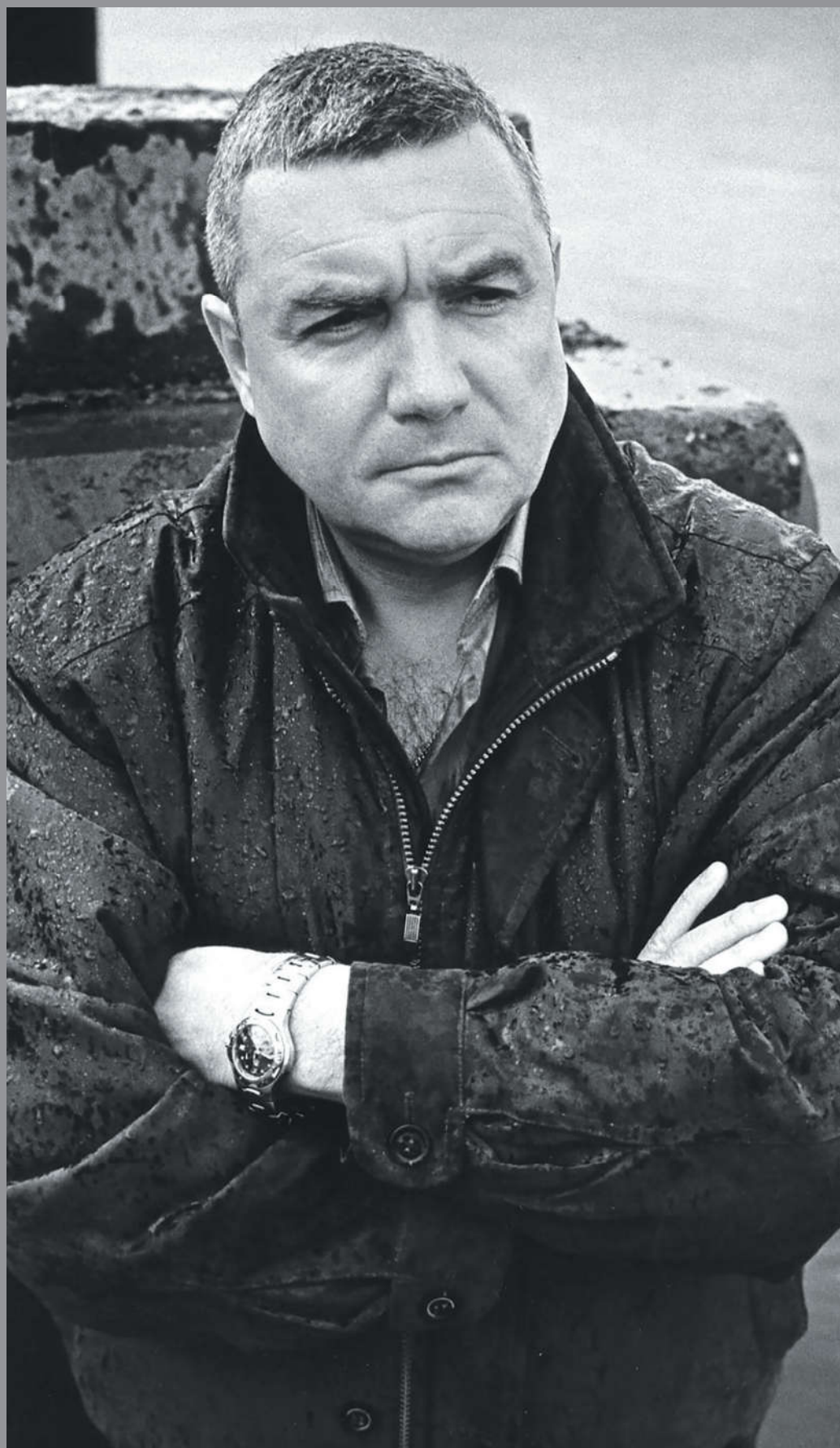

Дмитрий МИЗГУЛИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1995–2004

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2019

Дмитрий МИЗГУЛИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1995–2004

Любавич – 2019

УДК
ББК
М57

Мизгулин Д.А.

М57 Избранные стихотворения: стихотворения (1995–2003). Издание второе, дополненное / Сост. В. Рыбакова, дизайн, вёрстка – А. Евменова, послесл. Л. Аннинский, С. Козлов, Б. Лукин, корректор – В. А. Неёлова, ил. А. Евменов, А. Евменова, О. Фахрутдинов, фото Д. Мизгулина – г. Ханты-Мансийск, 2008 год. – СПб.: Любавич, 2019. – 272 с.

ISBN

Поэт и время, их взаимоотношения – извечная проблема. Видный австрийский писатель и мыслитель Роберт Музиль писал в статье «Очерк поэтического познания»: «...Остаётся только вопрос, быть ли поэту сыном своего времени или созидателем времён».

Быть современником – творить свое время, а не отражать его. Поэтическую способность создает сама природа, и поэт творит из своего духа и в то же время как бы вдохновляется свыше.

И выражение Р. Музили в полной мере применимо к Д. Мизгулину, который принадлежит к тем, чьё назначение – быть не сынами своего времени, а созидателями времён.

УДК
ББК

ISBN

© Д. А. Мизгулин
© А. В. Евменов, А. А. Евменова,
О. Н. Фахрутдинов – акварели
© А. А. Евменова, дизайн

Дмитрий МИЗГУЛИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1995–2004

Street sweep

Душа остывает. Сердце отболит
всю.

и ~~вспомогательное~~

Зачислено в 1-й класс 10 человек

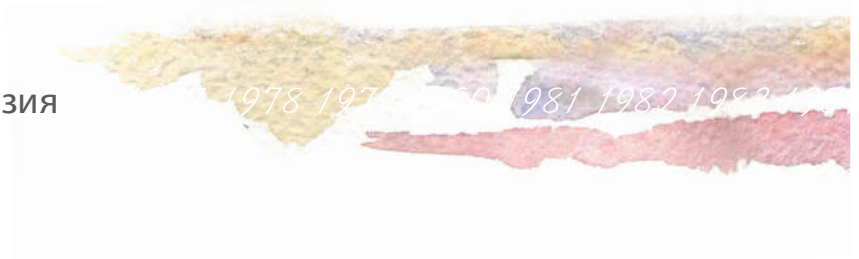
что пожелать
 моему сердцу и душе
 Твоему, моему и душе
 и душе, моему и душе
 и душе, моему и душе

[Faint handwritten notes at the bottom of the page, likely bleed-through from the reverse side.]

1995

1995

1995

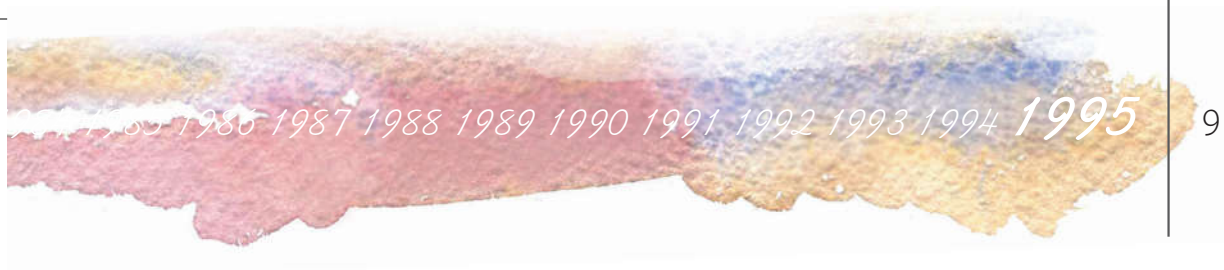
Который год нас бури носят.
Ужели нас оставил Бог?
А за окном – всё та же осень:
Застывший пруд. Забытый стог.

Курлычет, улетаая, стая,
Пустеет, опадая, сад...
А ночь такая же глухая,
Как много лет тому назад.

Поймёшь, куда вели дороги,
Отринешь ветхих правил тлен,
Когда разверзнутся итоги
За мутной дымкой перемен.

И ты, печальный очевидец,
Поймёшь – не ту открыли дверь...
Дурак ты или ясновидец –
Какая разница теперь.

Из ниоткуда в никуда
По небу тучи тянутся.
Какою жизнь была всегда,
Такою и останется.

Невозмутимая луна
Как будто ухмыляется.
Воздастся каждому сполна —
Кому как полагается.

И не суди, и не вини —
Ещё не всё потеряно.
И не считай чужие дни —
Не нам с тобой отмерено.

Не суетись и не спеши —
Длинна дорога...
Хотя бы часть своей души
Оставь для Бога.

С годами пишется трудней.
С годами мыслится тревожней.
И в долгой веренице дней
Живёшь не проще – осторожней.

Не потому, что жизнь сложна.
Не потому, что слово глуше...
Меня настигла тишина,
И я боюсь её нарушить.

Лето настало. Сирень отцвела,
И устоялась погода.
Долго ждала, как покоя, тепла
Скорбная наша природа.

Зазеленели сады и леса,
Тянутся тонкие всходы.
И отразили в себе небеса
Озера светлые воды.

И постепенно развеялся мрак,
Силу листва набирает...
Только душа не проснётся никак,
Не отойдёт, не оттаёт...

Нам всем необходимо постоянство,
Но постоянным в мире быть нельзя.
Незыблемо небесное пространство –
Уйдут родные. Предадут друзья.

А деревья в саду твоём весеннем
Опять шумят раскрывшейся листвою:
На том же месте – в праздничном цветенье,
На том же месте – сумрачной зимой.

Ты сам себе придумал много правил,
И незачем других во всём винить.
Уж если в жизни что и мог поправить –
То точно – ничего не изменить...

И ни о чём не рассуждай привычно,
Природа всё расставит по местам.
Смотри на мир, прекрасный и обычный,
И радуйся светящимся листьям.

Д. Шмидт -

Рассвет на Чокумском сопке

и

Дня
по дню

XXX

Рассвет на Чокумском сопке

по дню

Рассвет на Чокумском сопке

Рассвет на Чокумском сопке

Взгляд

Взгляд на Чокумском сопке

Посреди степи

и горы за степью

Сидит в поле по степи

Сидит в поле по степи

И в поле по степи

И в поле по степи

И в поле по степи

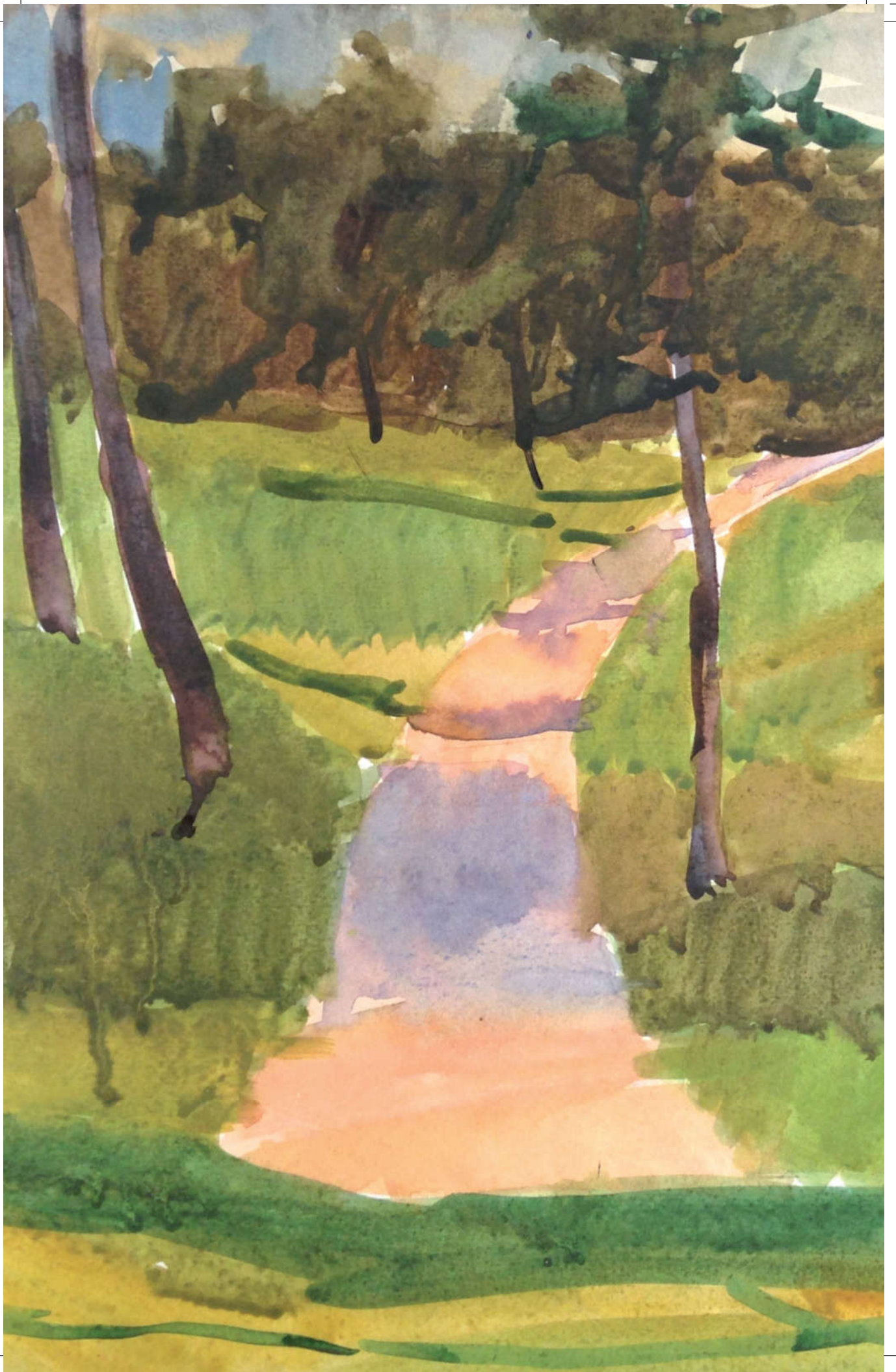
И в поле по степи

И в поле по степи

И в поле по степи

И в поле по степи

[illegible]

1996

Жизнь моя – надежда и сомненье,
Словно зыбкий свет звезды во мгле.
Ворошу сгоревшие поленья,
Искры гаснут в стынувшей золе.

Клонит в сон вечерняя усталость.
Электрички, гулкий стук колёс...
А кому-то ведь и эту малость
Получить при жизни не пришлось!

Лучшего уже и сам не чаю...
Тускло светит белая луна.
Покурю немного. Выпью чаю,
Прикорну у тёмного окна.

Но едва лишь я глаза закрою,
Буду слышать – сам тому не рад, –
Как шумит июльской листвою
Вымерзший за эту зиму сад!

4 1985 1986 1988 1989 1990 1991 1992 1993 1994 1995 1996

17

Кружатся звёздные миры,
Мелькают годы, судьбы, лица...
Вот и дожил до той поры,
Когда пора остановиться.

Пройтись по парку не спеша
И посмотреть вокруг несмело,
И вдруг почувствовать — душа
Ещё совсем не онемела.

И начинать, как прежде, жить —
Без усталости и без печали,
И в памяти восстановить
Давно забытые детали.

Стремишься истину найти,
Во всём становишься мудрее.
А время после тридцати
Летит быстрее и быстрее...

Всё тяжелей твоя рука.
Мгновенья сердцем ощущаешь,
А годы после сорока
Уже совсем не замечаешь.

Узреешь высших истин тлен,
Когда не будет сил подняться...
Чтоб выжить в вихре перемен,
Ни в чём не надо изменяться.

~~Изображение в дикте...~~

[illegible]

Возвращаюсь в былого, ~~какое~~ ^{каким} было поступление
еще раньше, ~~какое~~ ^{каким} было в равно...
мне все равно?

[illegible]

~~но в этом~~ ^{но в этом} ~~пропаре,~~ ^{пропаре,} ~~еще~~ ^{еще} ~~Тема~~ ^{Тема}
~~все это~~ ^{все это} ~~лучше~~ ^{лучше} ~~после~~ ^{после} ~~того~~ ^{того}

~~Все Т-е~~ ^{Здесь} ~~фигуры~~ ^{хорошо},
и ~~требуются~~ ^{анализы} ~~для~~ ^{исследования} до имения
~~много паров.~~

и в нем сорок парочек и все совершенно

Поли вней, они влетят, ~~и~~ ^{но} все равно? _{и носия}

отбав те синове, јамничког судија.
петельного
Замислимо ви рошкост?

откуда ты слышишь, радиороженица.
И почему-то с чужого вояжики? и брата по имени?
~~не о тебе же~~ ^{печенью} ~~дождя~~
И не слышишь ласкового гроза...

И в том, неграмотной
машинистки, разумеется.

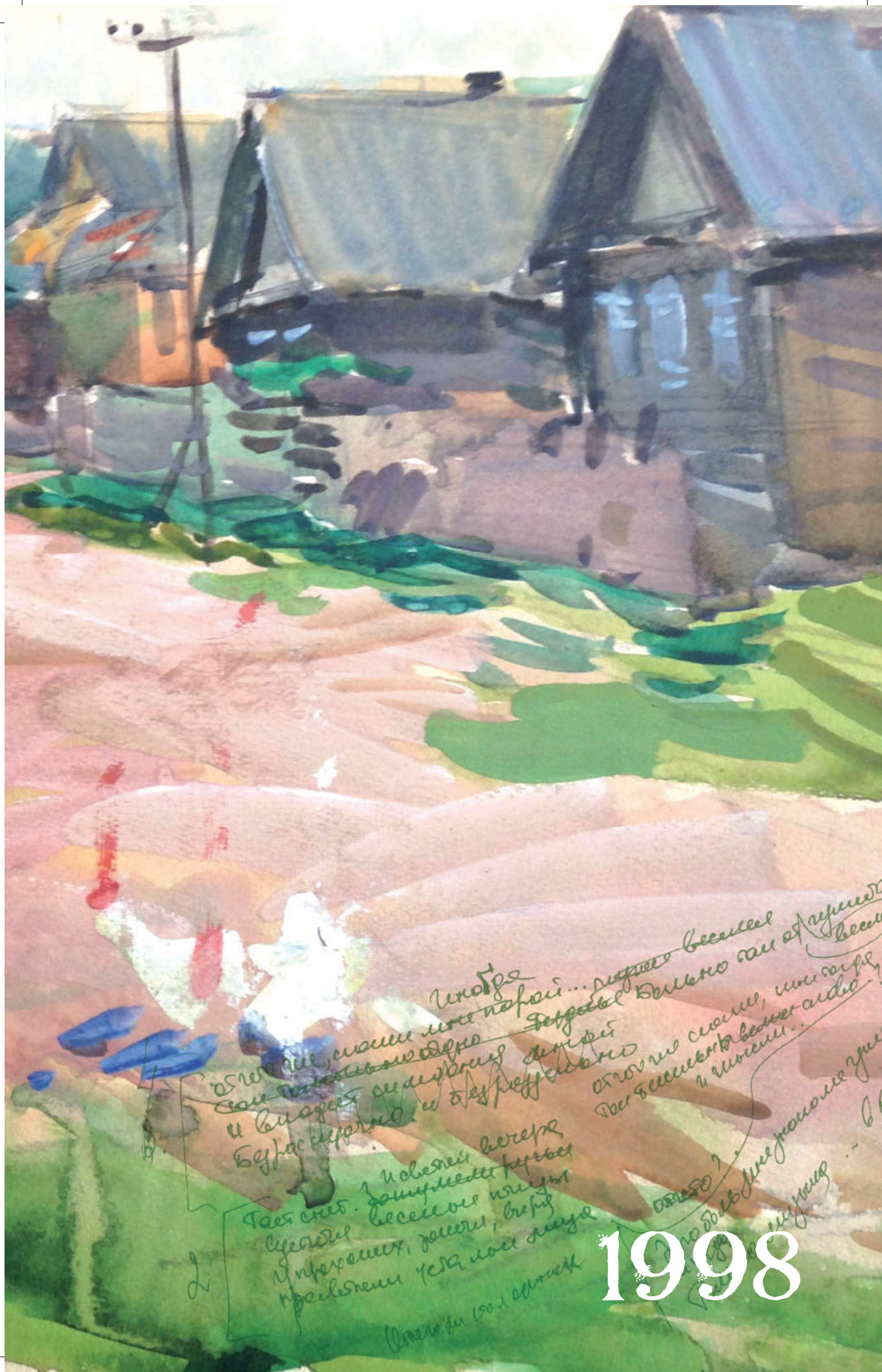
~~Y no se puede~~ ~~no bueno y~~

~~Умыва
Умываюсь, по
Умываюсь~~

Итак
Исчерпывающе:
своей жизни -
Она была
Но и это было ослепом
но падение с души?
наше страсть
такая
и мое по

~~Или же...~~
~~Самый лучший...~~
~~Они...~~
 Но и это важно осознавать
 Потому что это падение с душой?
 И душе переживает страсть
 падение в волне сомнений
 в не веру, тогда же много больше

иногда
ваше, наше море... море
ваше море... море
и всегда море... море
ваше море... море

Такая снот.
Светлая
интересная, полная, красивая
прекрасная...
Амстердам 1998

1998

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое –
Не попадись в позорный плен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира.
Держись подальше от кумира,
На чьих устах смертельный тлен.

Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде,
Пусть даже если ты спортсмен.

Живя в эпоху перемен,
Старайся не забыть о главном,
И сделай из железа ставни –
Не создавай себе проблем.

Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,
Молись – и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...

И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой –
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

Обиды забыв и наветы,
Как будто бы в сонном бреду,
Я в воды таинственной Леты
Под лунным сияньем сойду.

Я стану простым и покорным
В тумане сгоревшего дня,
И скоро холодные волны
Неслышно поглотят меня.

Охваченный вечным покоем,
Живу я движеньем реки.
Как тени над чёрной водою,
Проходят друзья и враги.

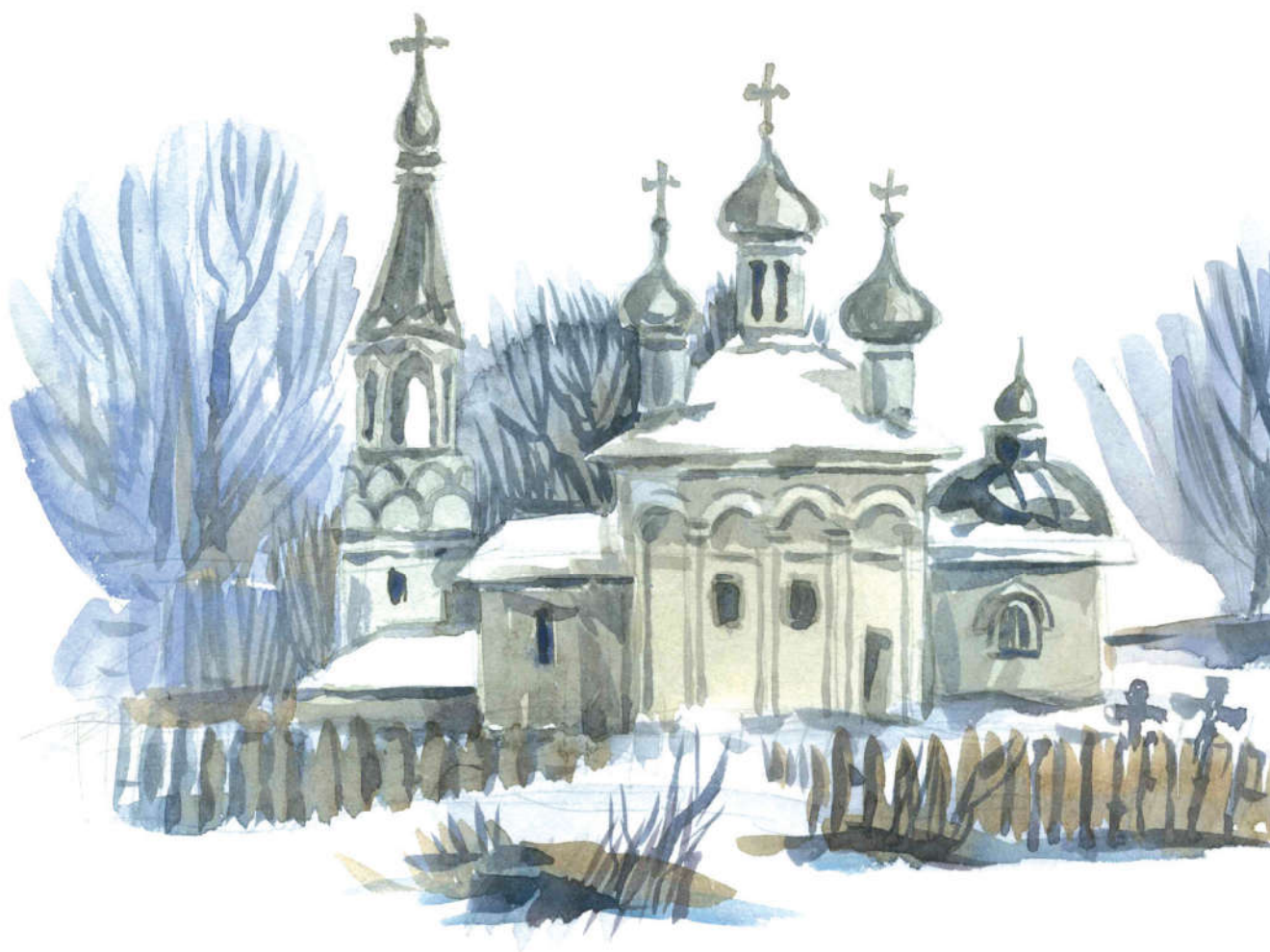
Рассыплются жёсткие звенья
Незыблемой связи земной,
И тусклые звёзды забвенья
Застынут в ночи надо мной.

Мы хороших не ждём новостей.
Катастроф стало больше, пожаров.
Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, – побольше, чем прежде.
И синеет сомнений печать
На ещё не окрепшей надежде.

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы –
Непонятной её круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слово в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...
И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетёт нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

ДМИТРИЙ МАЗГУЛАН

х х х

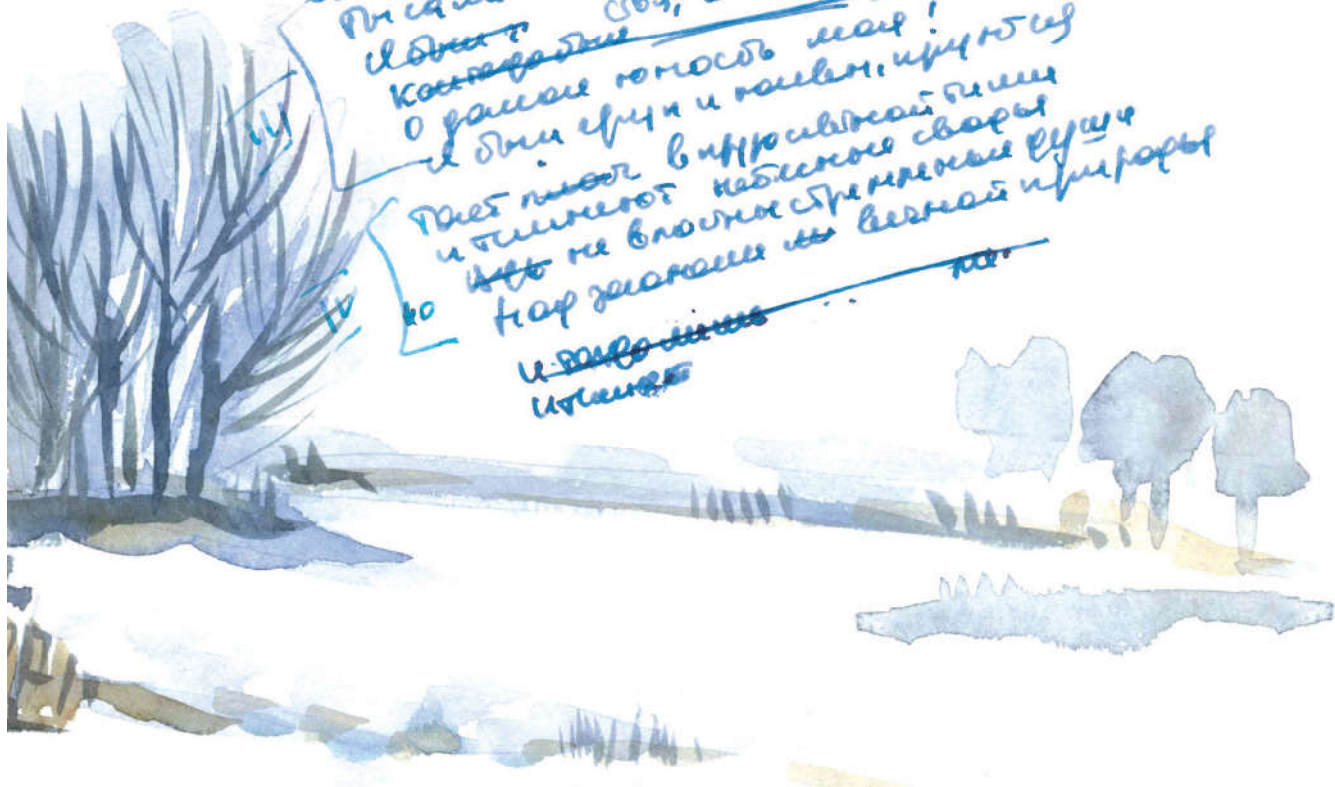
Handwritten signature

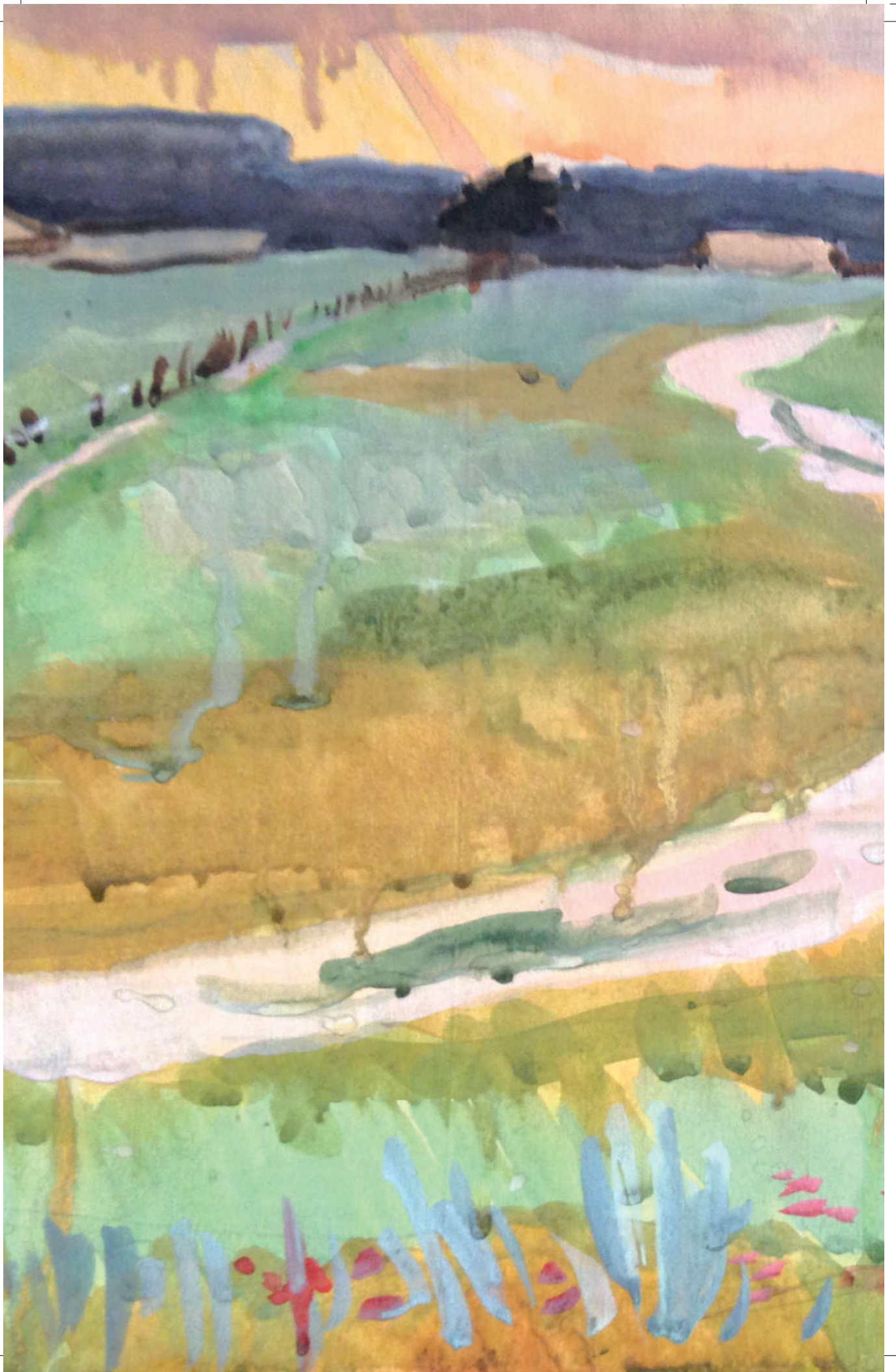
Был так спокоен длительный полет,

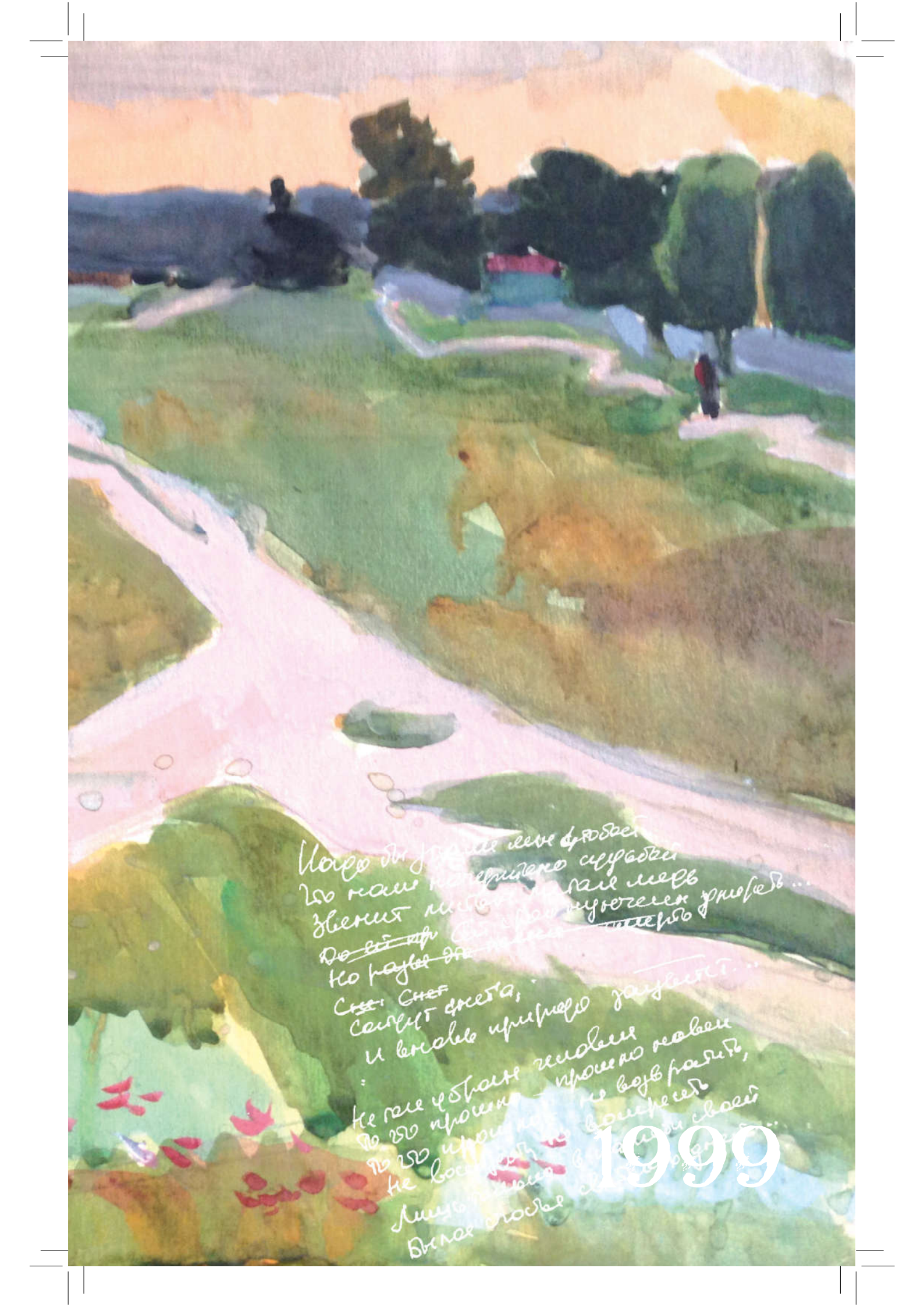
Под шум моторов

.....

Handwritten poem:
 А дом мой ~~на радость моя~~
 и ~~поцелуи сонных~~ ~~нежная~~
 За ~~протоптанные~~
 В ~~тебе~~ ~~полюс~~ ~~взгляды твои!~~
~~Свет, свет, свет~~ ~~улыбки твои!~~
 Ты ~~сам~~ ~~не~~ ~~узнаешь~~ ~~отца~~
~~Свет, свет, свет~~ ~~улыбки твои!~~
~~Каждый день~~
 О ~~дальше~~ ~~помощь~~ ~~моя!~~
 и ~~были~~ ~~лучи~~ ~~и~~ ~~таинство~~ ~~природы~~
 Ты ~~еще~~ ~~в~~ ~~природной~~ ~~тиши~~
 и ~~тишине~~ ~~небесных~~ ~~свары~~
~~что~~ ~~не~~ ~~вспомог~~ ~~стремление~~ ~~руши~~
 Но ~~заставил~~ ~~те~~ ~~вздох~~ ~~природы~~
 и ~~вздохи~~
~~и~~

Народ бы ждале мене фудает
Во мене поперилеко срадаеи
Звонит милое, а нае меев
До еи аи сии сии миееи фудает...
Но фудает аи миееи миееи

Сии: Сии
Сии: Сии
и миееи миееи фудает...

Не нае фудает миееи
Во во миееи - миееи миееи
Во во миееи - миееи миееи
Не миееи миееи миееи
Миееи миееи миееи
Миееи миееи миееи

1999

В такие дни не хочется писать,
В такие времена бессильно слово,
И не найти занятия другого,
Как только безучастно наблюдать...

В такие дни сомнений и тревог,
Когда кипит невидимая битва,
Пусть душу укрепит мою молитва,
И да спасёт нас милосердный Бог!

Гордились долго – чужь и водь –
А вот уж в Космос полетели...
Лишил нас разума Господь –
И мы как листья облетели.

Что толку – царь ты или князь?
Хрустят обманчивые льдинки,
И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

Словно из болотного тумана,
Проступает странный силуэт –
Телевизионного экрана
Бледно-голубой чадающий свет.

В век духовной суеты и стресса
Видим электрические сны.
В путях пресловутого прогресса,
Словно бы в цепях у сатаны.

А и то сказать – живём неплохо.
Техника вокруг – как ни крути...
Далеко продвинулась эпоха,
Дальше просто некуда идти.

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...

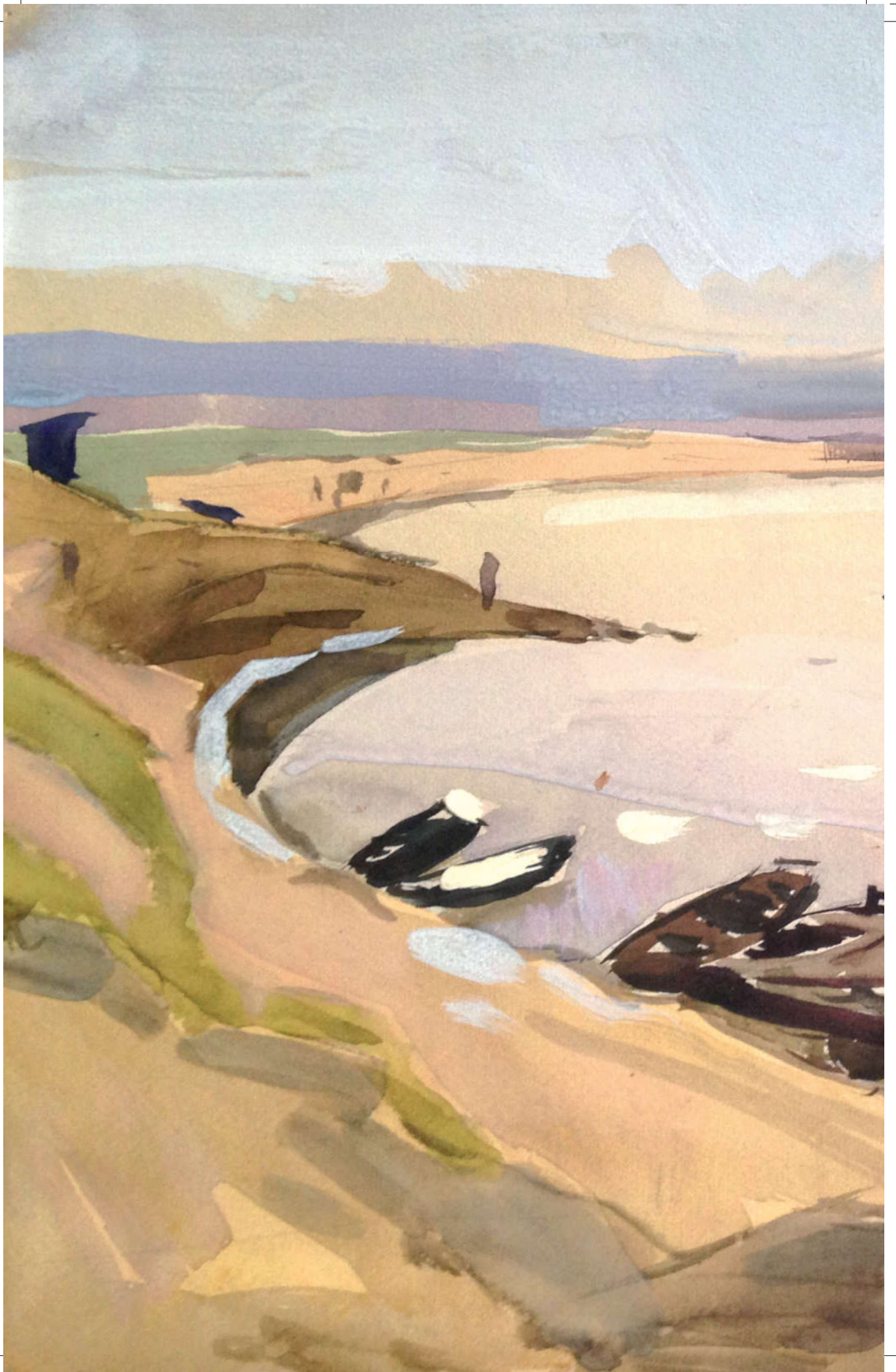
Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в доме твоём достаток,
А всё вокруг – один упадок,
Во всём вокруг – один обман.

И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Позёмкой стылой по дороге...

Долгий год. Тяжёлые утраты
На счету у каждого из нас.
Родина, великая когда-то,
Стала хуже нищенки сейчас.
Сын её, румяный и пригожий,
Весело по улице идёт,
Для неё, болезной, медный грошик
В импортном кармане не найдёт.

2000

и душе до дна востока
всплывшей любви и нежности,
то, извернувшись, каждый мечтает
запредельным прологом или эпилогом...

Остальное не все ли равно?
Ожидает - не venit, не сивит
Опущено не стало рю
портмоне все воцар и воцар.

Опутано ложью полмира.
Не вырваться нам из цепей.
Всё больше и больше кумиров
У Родины бедной моей.

О, сколько предсказано сроков!
Тускнеет звезда на челе.
Всё больше и больше пророков
Идёт по бесплодной земле.

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголют!
О, как они сладко поют!

Камней раскидали мы груды –
Поди их теперь собери!..
Но снова толкуют иуды
Про отблески новой зари...

Я бред этот слушать не стану,
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Как скромный, но знающий зритель,
Молчу – и на мне есть вина, –
Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Наладится жизнь понемножку,
Вернётся державная статья,
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Я не считал свои утраты,
Хоть и обиден груз потерь,
Но буду помнить, как когда-то
Ты постучала в эту дверь.

Ноябрь покроет снегом землю,
Мороз – костров развеет дым...
Разлуку долгую приемлю
Под этим небом голубым.

А впрочем, что мне все разлуки?
Слежу за медленной рекой,
Как величаво и без мўки
Природа обрела покой!

И над моей страной равнинной
Потянется последний клин,
Прощальным криком журавлиным
Звения в морозной мгле долин.

А была ли ты на самом деле
В миг, когда исчезла навсегда,
Или просто птицы прилетели,
Прозвенела вешняя вода?

Словно бы натянутая ветром,
Загудит судьбы стальная нить,
Как портной заправский, метр за метром
Буду чётко прошлое кроить...

И не то чтоб изменила память —
Просто быстро время пронеслось,
Просто очень многое с годами
Заново переживать пришлось.

Зачем и откуда – не знаю,
Да и понимать не берусь,
Пришла эта осень земная,
А с ней бестолковая грусть.

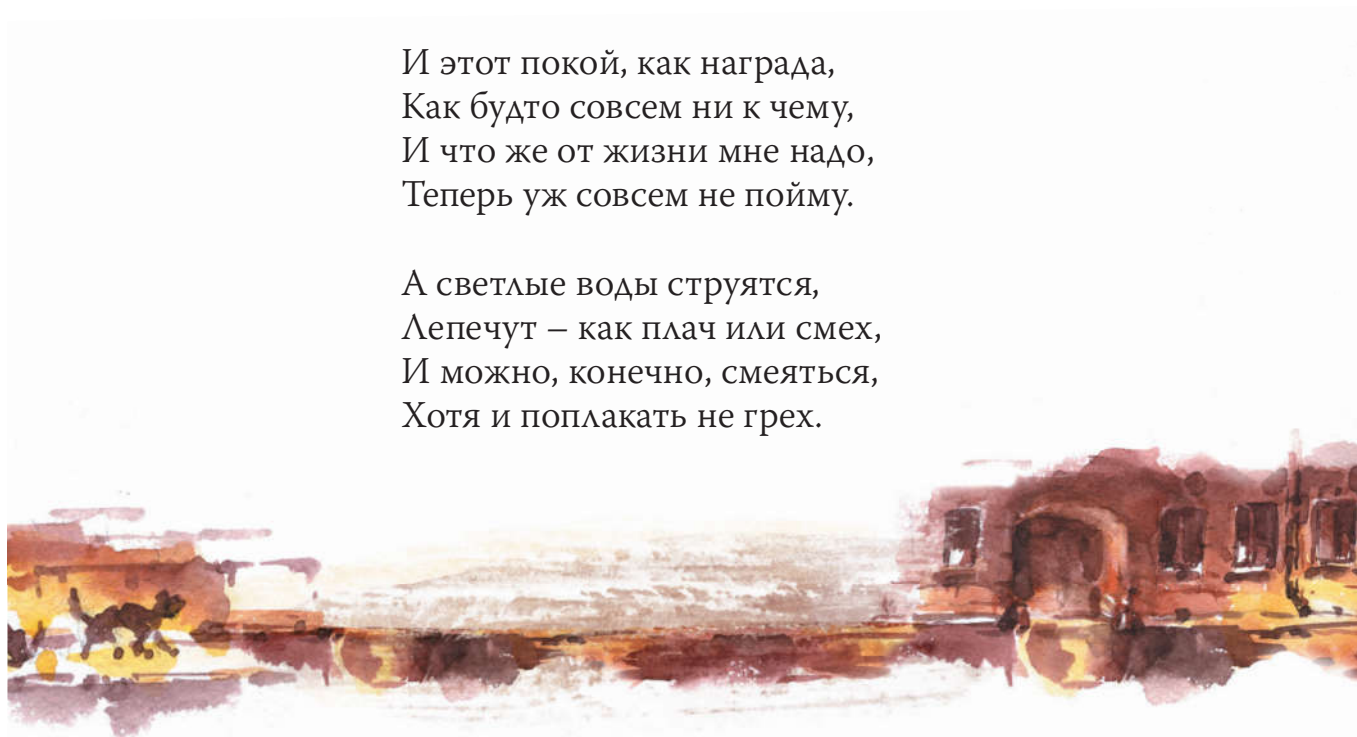
И только уймутся тревоги,
Открою тяжёлую дверь.
Как светлая пыль на пороге,
Развеется горечь потерь.

Чем дальше с годами — тем глуше
Смиренная эта тоска.
И если желаешь, не слушай,
Как сонно лепечет река

И как различимее слышен
Таинственный ход бытия,
Как листья заденут за крышу,
Как вздрогнет собака моя.

И этот покой, как награда,
Как будто совсем ни к чему,
И что же от жизни мне надо,
Теперь уж совсем не пойму.

А светлые воды струятся,
Лепечут – как плач или смех,
И можно, конечно, смеяться,
Хотя и поплакать не грех.

Сверкнёт планета опереньем,
Скользнув с привычной высоты,
И вспомню в это же мгновенье
Твои забытые черты.

Благодарю тебя, разлука, За
то, что мы давно не те;
За то, что подошли без мýки
К той разделительной черте;

За то, что нынче, ночью поздней,
Не сушит душу мне беда,
И что сияет в небе грозном
Моя последняя звезда.

Я всё оставил на потом –
И расставанья, и прощенья.
И в этот город, в этот дом
Совсем не жаждал возвращенья.

Теперь, когда ты вновь пришла,
Листая памяти страницы,
Я понял: молодость прошла
И никогда не возвратится.

Смотрю в глаза твои опять,
Они полны пустой надеждой.
Я начинаю понимать
Всё, что нас связывало прежде.

Я говорил с тобой, и дым
Костра сквозь память расстелился.
Не стал я снова молодым,
Хоть в прошлое и возвратился.

Всю ночь гудели поезда,
Текла неспешно так беседа,
И понял я, что никогда
Сюда я больше не приеду.

Вот и кончилась осень. И ладно.
От зимы дождались ответа.
Снег под утро выпал неожиданно.
Потерпи. Доживём до лета.

Пусть природы круговращенье
Не гнетёт тебя, не пугает,
Ведь и жизнь наша все движенья
Вслед за ней не спеша повторяет.

Пусть вокруг дураки храбрятся –
Наше счастье и наши мўки
Не спеша опять повторятся
В судьбах наших детей и внуков.

Ни к чему на судьбу обижаться,
Бесполезно винить друг друга
И не стоит нам вырываться
Из привычного этого круга.

Вокруг такая суета,
Что не смешно уже, а больно,
И пройдена давно черта,
И поздно говорить «Довольно!»

И не тверди о том, что всё...
Что всё начертано судьбою.
Настанет час – во всей красе
Лукавый встанет пред тобою.

И если дрогнешь – всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

И снова ваш спор о судьбе.
Но вязки земные дороги...
Что толку в пустой ворожке,
Коль нету ни слова о Боге.

Чего же хотите тогда,
Какого такого порядка?
Весь мир заливают вода
Неверия. Всё – без остатка.

Сотрёт ускользающий век
Последние вехи и грани:
Кто к Ною взойдёт на ковчег,
Кому подвернётся «Титаник».

Закружило, запуржило,
Замело вокруг дома.
И про то, что разлюбила,
Ты сказала мне сама.

Я с тоскою вспоминаю
Алых губ твоих изгиб,
Что мне делать — я не знаю.
Что мне делать — я погиб!

Из души гоню тревогу:
Есть надежда у меня.
Помолюсь исправно Богу
И пойду седлать коня.

Там, за полем, там, за лесом,
В тишине глухих дорог
Огоньком звезды белёсой
Замерцает хуторок.

Там пылает жарко печка,
Там не убран снег с крыльца,
Там ещё одно сердечко
Поджидает молодца!

Запоёт душа другое,
Слёзы стынут на бегу,
До звезды достать рукою
Я, наверное, смогу...

Давно уж ни во что не веря,
Как будто в беспросветном сне,
Живём мы все под знаком зверя
В своей нетопленной стране.

Огней неоновых свечение,
Машин урчащих суета...
О, только б слово отречения
Не осквернило нам уста!

Замызганы фасады зданий.
Собака в поисках тепла...
Молю, чтоб тяжесть испытаний
Посильной ношей была.

Вновь вернулись в первобытный век,
Только не с дубиной, а с ракетой.
И опять гвоздает человек
По башке другого человека.

Состраданью места нет в душе.
В телевизионной круговерти
Сто смертей пересмотрев уже,
Мой сосед закусывает смертью.

Снова наливает, и опять
Он во власти смутного экрана,
Ведь чужое горе принимать
Близко к сердцу, согласитесь, странно.

Ни судить, ни спорить не берусь.
И давно уже не жду ответа.
Где твой Бог, моя родная Русь?
Где твой Бог, родимая планета?

И летит всемирный наш экспресс,
И гремит железная дорога,
И уносит дальше нас прогресс
От Природы,

от Любви,

от Бога.

Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как не прощёная вина.

Как тяжёк груз грехов незримый!
В запасе – годы или дни?
Расплата ждёт неумолимо –
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха.
Прохожий сумрачный идёт...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдёт...

СВЕЧА

Пусть опять всё пойдёт вверх дном,
Пусть оставит меня удача,
Опустеет родимый дом,
И судьба повернётся иначе.

Не заплачу, не закричу,
Из души не вырвется стона.
У иконы поставлю свечу,
Положу три земных поклона...

Я порою судил сгоряча,
Упивался своей гордыней –
Всё искупит моя свеча,
Все сомненья мои отринет.

Ни разлук не боюсь, ни измен,
Сколько раз начинал сначала!
В зыбком мареве перемен
Только вера меня спасала.

Как бы ни было тяжело,
Посреди вселенского срама
Я в душе сохраняю тепло
Тишины опустевшего храма...

Пусть мерцает в мирской ночи
Тусклый отблеск моей свечи.

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа – как будто поле битвы,
В ней всё огнём опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы – читай, внимая,
Но, вещих слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу – я ещё не глух, –
Как тень звезды скользит по крыше...
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

В суете уходящего века
Вдруг очнёшься от тщетных забот –
Не забыл ли Господь человека,
Да и весь человеческий род?

С нами надо, конечно, построже,
Ведь давно, в суете мельтеша,
Позабыло творение Божье
Место, где обитает душа.

Всё торопимся: делаем дело,
В пустословье коверкая речь,
Что там душу – и бречное тело
Не умеем от скверны сберечь.

Свято веруем – всё будет лучше,
И скользим невозвратно ко дну.
Ох, как близко, Господь Всемогуший,
Подпускаешь Ты к нам сатану!

В круговерти, заверченной бесом,
Не встречаем родного лица.
Всё бежим по дороге прогресса,
А дороге не видно конца...

Весной обычно спится плохо
И беспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха.
Скрипит Земля на вираже.

А мне твердят, что невралгия,
Поменьше есть, поменьше пить...
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сторит душа!

Объял планету адский пламень.
Кругом беда. Кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы
Как бы от третьего лица.

*...Весь мир представляет собой
одну комнату, точнее – один
огромный вагон в межзвёздных
сферах – для курящих.*

Архиеп. Иоанн Шаховской

К комфорту привыкла Европа,
Скользит, как по волнам вагон,
Но в час предстоящий потопа
Навряд ли нас вынесет он.

Сосед мой свою сигарету
Докуривает не спеша.
Пока не призвали к ответу –
Не дрогнет в сомненьях душа.

В эпоху грядущего хама
Смири выраженье лица
И, сидя под сводами храма,
По книжке проси у Творца.

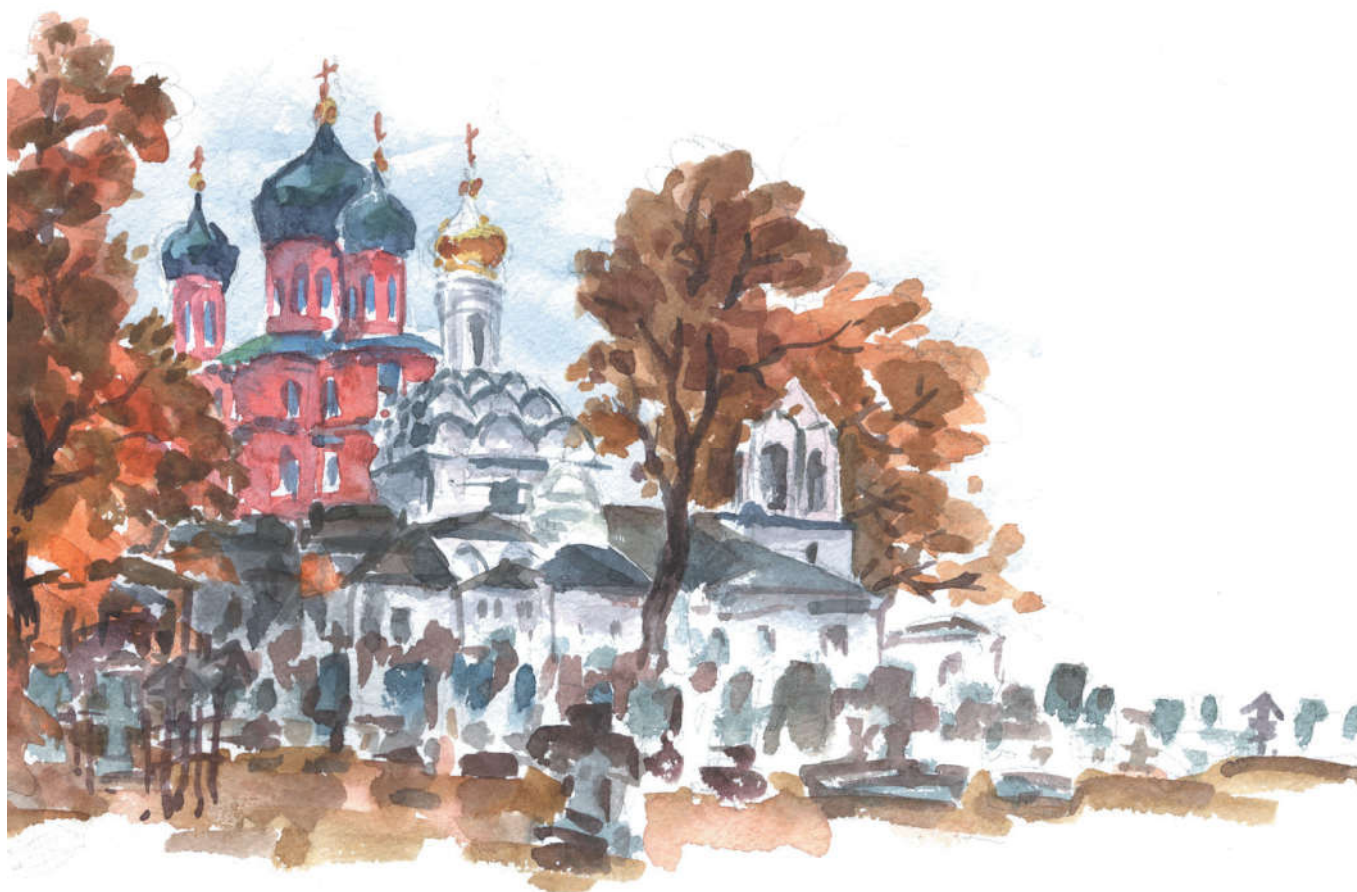
А мир, как вагон для курящих,
Растает неслышно во мгле...
Помилуй нас, Боже, пропащих,
Продляя наш путь на земле.

Свадьбы. Дни рождения. Крестины...
Так привычно начинался путь.
Нынче лишь одни сороковины
Не давали мне передохнуть.

У часовни новой на кладбище
Сколько раз за этот год стою.
Провожая тихо, словно нищий,
Скорбным взглядом молодость свою.

Вот друзьям моим приходят сроки.
День грядущий не видать во мгле.
Годы скуки, склоки и мороки
Клонят ниже к матушке-земле.

Всё смешалось – счастье и невзгоды –
За туманной гранью бытия.
В зеркале изменчивой природы
Сам себя узнаю вряд ли я...

Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от вечных мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг.

Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести...

Так повелось уж на Руси –
В года напасти
Молили:
«Господи, спаси!»
Ругали власти

И ждали доброго царя,
И ждали чуда.
И ждал, огнём греха горя,
Свой час Иуда.

И поднимался супостат,
Сгущались тучи,
Но все молили – стар и млад –
О жизни лучшей.

Теперь иные времена,
Но те же нравы.
Опять низвергнута страна
В поток кровавый.

Опять надежда и тщета,
И безземелье.
В домах и душах – нищета,
В башках – похмелье.

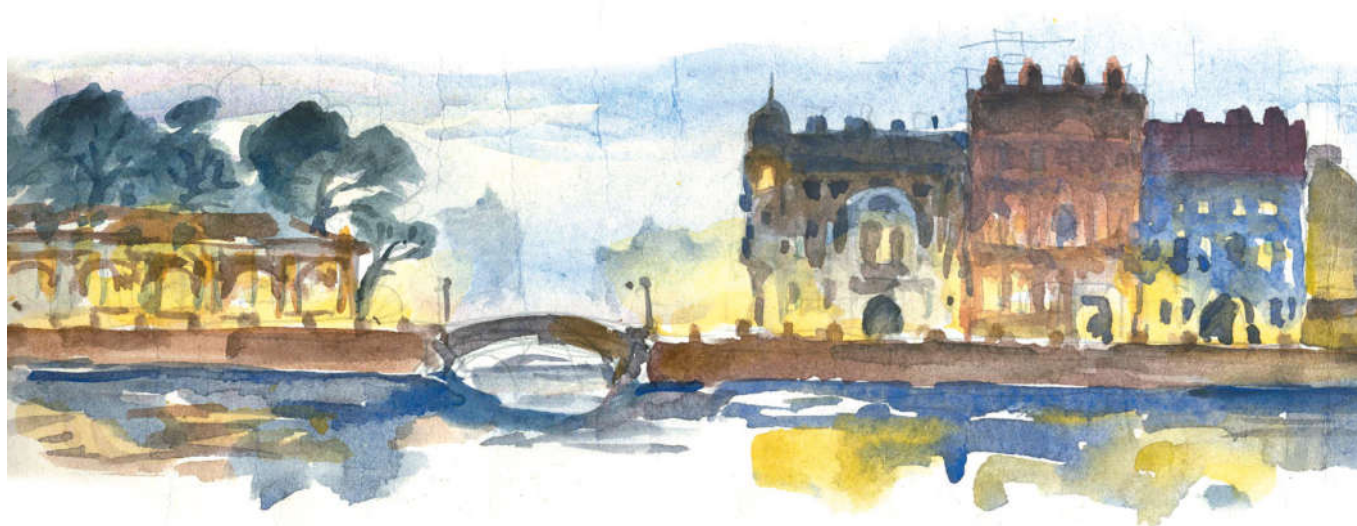
И в бездну тысяча чертей
Россию тащат...
Но раньше всё-таки детей
Рожали чаще.

И так же пусть гремит гроза,
Но утром рано
Мерцали в доме образа,
А не экраны,

Не всякий знал и в те года
К любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.

Изрыли caterpillеры
Всю Родину мою.
И дилеры, и киллеры
Стоят в одном строю.
И рокеры, и брокеры
Кружатся тут и там...
Но всех их скоро оперы
Расставят по местам.

Раньше мы своим гордились прошлым –
Нынче всё похерено давно.
Мир наш стал теперь тупым и пошлым,
Как американское кино.

Дал Господь простор экспериментам –
Всё, кажись, успели сотворить...
Дикторы – и то уже с акцентом
Стали вдруг по-русски говорить.

Но, как прежде, тянутся на дачу,
И опять, ругая власть зазря,
Празднуют, пусть даже и иначе,
Прежний красный день календаря.

Всё вокруг так зелено, красиво...
Празднику, конечно, всякий рад,
И вожди отечественным пивом
Балуют родной электорат.

Твои костры горят далече.
Звезда пронзила небосвод.
На месте нашей давней встречи
Заводят бесы хоровод.

Они прилежны и пригожи,
Имеют человеческий вид,
Они на ангелов похожи,
Но выдаёт их стук копыт.

И, преодолевая мýку,
Тебе, летящему ко дну,
Через века сомнений руку
Минувшей дружбы протяну.

Ещё не кончена дорога,
Душа отринет боль и страх,
Когда застынет имя Бога
В твоих немеющих устах.

Кружась во Всемирном потоке,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить, как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А всё обернулось иначе –
В привычной сумятице дней:
Богатые – стали богаче,
А бедные – стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе –
Извечный удел дураков!

Как будто о нас, идиотах,
Болит у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит не спеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

Когда-нибудь настанет час,
И неизбежное случится,
И вот надежды тонкий пласт
Под ветром страха истончится.

Крыла беды раскинет ночь,
И пустота в родных могилах.
Чем я могу тебе помочь?
Я сам себе помочь не и силах.

И вот сомнение моё
Сквозь камень знаний прорастает.
И верится, что бытиё
Сознание определяет.

И вот приходит новый век,
А вместо Библии — экраны...
И верится, что человек
Произошёл от обезьяны.

На счастье или на беду
Господь послал такую участь.
Лесной дорогою иду,
О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птичьи голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Забывтый скит. Притихший лес.
Где тишина развеет тугу,
Где только деревянный крест
Хранит безмолвную округу.

Вступайте, вступайте в союзы,
Сомнения и страх – позади!
И пусть, ошарашенных, в лузу
Вгоняют вас смачно вожди.

Скорей получите прописку,
Хватайте державную статью!
Ведь чёрту сподручней по списку
Со временем вас отыскать.

Жизнь – работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

О земном суетясь и скорбя,
Не заметишь, как сердце остынет.
Хоть мгновенье оставь для себя
В мире зависти, скорби, гордыни!

Но отсчитаны сроки уже,
Бестолково петляет дорога.
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

Зачем летали на Луну?
Чего искали?
А всю огромную страну
За ночь проспали.

А всё пытались обличить
Отсталость века...
Не можем даже грипп лечить
У человека.

И с отречением спеша –
Глухи и громки...
А что душа? А что душа!
Душа – потёмки.

Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад,
Вдруг вспомнят Бога...

Куда кого тягать силком,
Никто не знает.
Свеча под глиняным горшком
Едва мерцает.

Всё учились на чужих примерах,
Как прожить легко и не спеша.
Не любовью светлую, не верой –
Суетой наполнилась душа.

Метили в Америки, в Европы,
Только не для нас был званый пир.
Нынче лотереи, гороскопы
Составляют наш духовный мир.

Нынче чародеев, звездочётов
Слушаем, как будто бы святых.
Всё гордились точностью расчётов,
А бредём как сонмище слепых.

Ни стыда не ведая, ни срама,
С просьбами о счастье на устах
Всё толчёмся в православных храмах,
Словно бы в присутственных местах.

Мы шли, не ведая тревоги,
По проторённому пути.
Известны были все дороги...
Куда же нам теперь идти?

Мечталась участь всем иная,
И счастье – полною рекой...
Была избушка лубяная,
Не стало нынче никакой.

Не веря Богу и природе,
Всё ищем, на кого пенять...
Так утомились на свободе,
Что в рабство хочется опять.

Очнёшься от шумных застолий,
Где праздная чарка горчит,
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит.

Крылами забьётся тревога,
В реке почернеет вода,
И тенью судьбы у порога
Застынет чужая беда.

Но что нам чужие утраты?
В разгаре неистовый пир,
Не ведая страха расплаты,
Безумствует суетный мир.

Я в этом веселии лишний,
И, мучась, опять и опять,
За что нас карает Всевышний –
Стараюсь в смятенье понять,

Ведь скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Молчу я. И нет мне ответа.
И сердце устало стучит,
И утренняя сигарета
Во рту непривычно горчит.

Он шёл толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашёл в собор,
Прикрыв тяжёлые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред Образом Христа
И опустился на колени.

Кто был он – мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но всё же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал – душа
Затеplилась на пепелище.

Вот так, преодоляя тьму,
Он утолил свои печали,
И нищие вослед ему:
«Храни Господь тебя!» – кричали.

Тяжеловесная луна
Плывёт над миром,
И спит усталая страна
В величье сиром.

Своей не ведая судьбы,
В цветной пижаме,
С рабами вместе спят рабы,
Вожди – с вождями.

Успокоение таят
Объятья ночи.
В конюшне лошади стоят,
Сомкнувши очи.

Застыли тени на стене,
Заснули птицы.
Похоже, что лишь только мне
Ещё не спится.

Как будто это только я
Предвижу даты,
Неотвратимость бытия
И час расплаты.

В рыбах есть что-то змеиное,
В людях есть что-то звериное,
Что-то расчётливо-точное,
Неуловимо порочное,
Злобное и осторожное,
Неистребимо безбожное.

Стихи писали километрами,
А издавали – килограммами...
Когда-то восседали мэтрами,
Теперь закусывают с хамами.

Когда-то числились учёными,
Чьим очень дорожили мнением,
Но ложь, однажды изречённая,
Теперь карается забвением.

А я живу в своей безвестности,
Хоть тяжелей с годами пишется.
Иду пересечённой местностью,
И мне легко, как прежде, дышится.

Не осуждаю, не прошу
О счастье личном,
Я поздней осенью дышу
В саду больничном.

Теперь, когда ты далеко,
В чертогах юга,
Я понял, как это легко —
Любить друг друга.

Забуду про тоску потерь,
Приняв лекарства.
За эти полчаса, поверь,
Отдам полцарства.

Пусть небосвод сегодня мглист,
Пусть хмарь глухая,
Как бабочка, осенний лист
Кружит, порхая.

Пускай в тумане тает даль
И лист кружится,
Пускай уносится печаль
Последней птицей.

Он всё ждал грозу в начале мая,
Молнию, сиянье звёзд в ночи...
Жизнь прошла, как туча дождевая,
Солнечные выщвели лучи.

Понемногу унялось сомненье.
Снег плывёт в пространстве не спеша,
И луны морозное свечение
Восприимлет скорбная душа.

СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчёмным
Любой серьёзный разговор.

Что наши страсти и сомнения?
Пустопорожние слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

В бане пахнет мелиссой и мятой,
Лист берёзовый мягко шуршит.
Только жара ещё маловато
Для озябшей от жизни души.

Камни светятся спелой малиной,
Пар окутает мягко поллок,
И как будто бы духом незримым
Наполняется банный чертог.

А в предбаннике – водка, закуски...
Я один в деревенской глуши.
Вот теперь я действительно русский
Во всю ширь разомлевшей души!

Вот теперь всё легко и привычно,
И пора не печалиться – жить,
И «полтинничком» водки «Столичной»
Все сомненья души осадить.

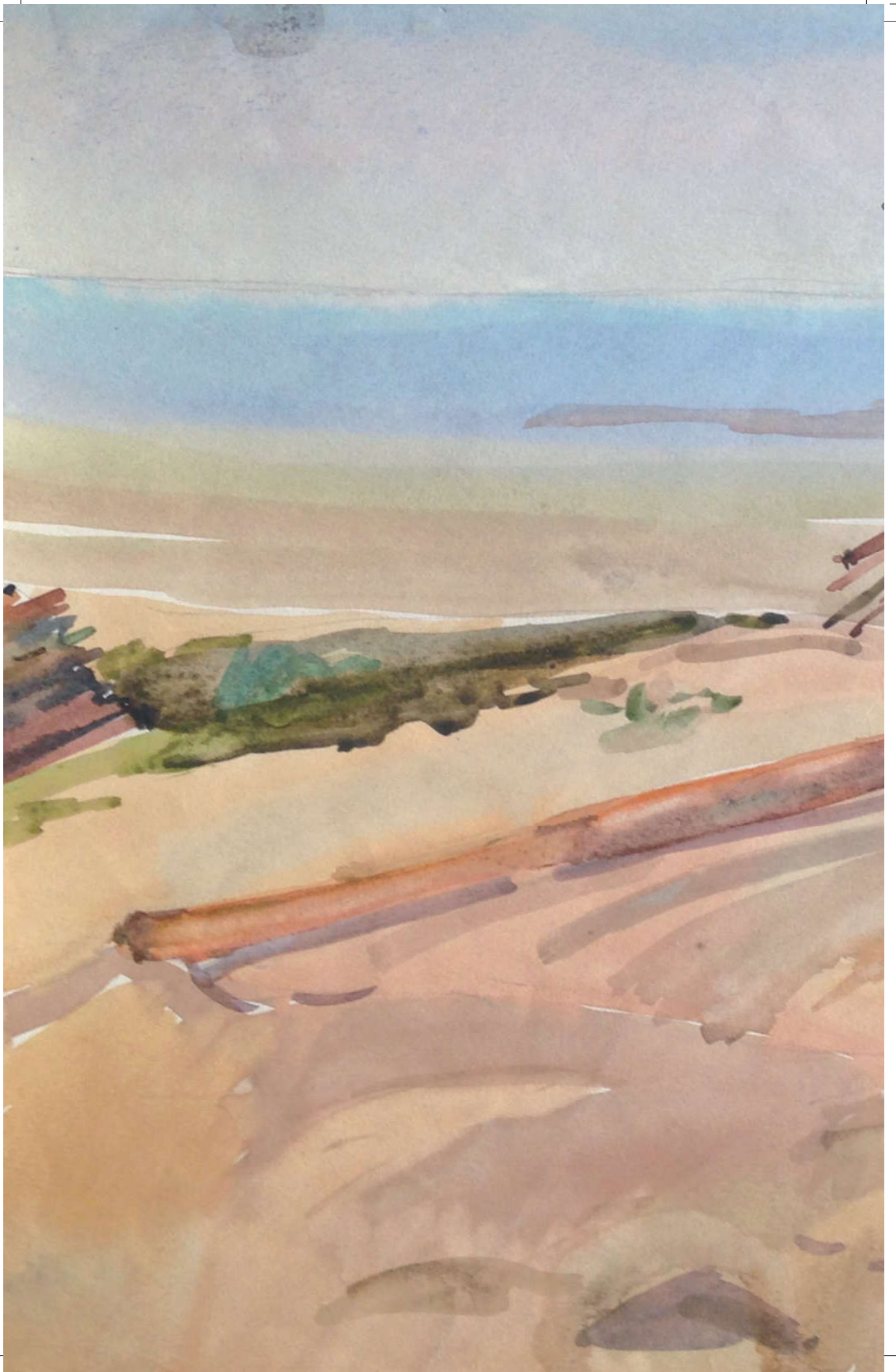

Под утро – снег. Застыли лужи.
Спешат прохожие в метро.
Блажен, кто никогда не тужит,
Случайно делая добро.

Обид не чувствуя усталость,
Чужих не слушая речей,
Осознаёт простую малость,
Что он лишь Божий и – ничей,

Кто просто так, как эта ива,
Живёт, не ведая тоски,
Склоняя выю терпеливо
Перед течением реки.

Эта мушкет. Это весел.

Это мученик. Это мученик.
Это мученик, мученик веры.
Судьба наша, судьба наша веры

~~Это шило~~
Сидит на нем
~~Чаша свинцовая~~

~~Продумавши все, мы решили, что лучше всего сразу же написать письмо~~

~~Безопасность~~

05250 me Сидни ~~мне~~ адресу
мне адресу адресу адресу...

В 24 году после войны...
Итого посевной пашей...
...и т.д.

Самовольная аренда?

A child's drawing of a beach scene. In the foreground, there are several figures: a person in a blue shirt and dark pants, and two other figures in green and red clothing. They appear to be walking or standing on a sandy beach. In the background, there is a body of water with a small boat. The sky is light blue with some white clouds. The drawing is done in a simple, illustrative style.

100

Учись довольствоваться малым.
Иначе – просто не прожить.
Привычкой, словно ритуалом,
Умей особо дорожить.

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки.
Цени часы. Считай минуты.
Покой душевный береги.

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,
Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.

Иди вперёд своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно – для Бога
Твоя бессмертная душа.

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют...
Меняем на марки и баксы
Души первозданный уют.

Но как ни крути, на кладбище
Тебя всё равно понесут.
Богатый ты будешь иль нищий –
Предстанешь на Божеский Суд.

И поздно поймёшь, что не зритель,
Что это уже не кино,
И будет бесстрастным Спаситель,
И яростным будет вино.

Телевизионным пророкам
Ты снова поверить готов...
Что ж, верь предсказателям сроков,
Люби толкователей снов.

Мерцает во мраке планета,
И звёзды, как свечи, горят,
И в цепких сетях Интернета
Блуждает душа наугад.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Со дня рожденья и посмертный час
Приставлен ангел к каждому из нас.
Он нас хранит от горя и от бед
На протяжении беспутных лет.
Он нас хранит и молится с небес,
Чтоб наши души не похитил бес,
И даже под покровом тишины
Следит, чтоб не украли наши сны...
А мы живём бездумно и грешим,
И вечностью своей не дорожим,
Не думаем, что может грянуть час,
Когда он навсегда оставит нас.
Покинув утомительный свой пост,
Он воспарит среди погасших звёзд,
Взметнутся два спасительных крыла...
И навсегда тебя ослепит мгла.

Эпоха грядущего хама
Стучится настойчиво в дверь.
Укройся под сводами храма
От будущих бед и потерь!

Догонит лукавый – и дышит
В затылок. Но ты не робей,
Молись – и Спаситель услышит,
Сомненья и страхи развей.

Покайся – и душу отпустит,
Во мраке развеется бес,
И с лёгкой неведомой грустью
Душа воспарит до небес.

Жить хотелось бы получше,
Не меняя ничего...
Всё надеемся на случай,
На удачу – как в кино.

С замираньем из столицы
Ждём дурацких новостей,
Свято верим в небылицы,
Ждём неведомых гостей.

Ходим в храмы. Ставим свечи,
Ждём спасительных идей,
Слушаем пустые речи
Распустившихся вождей.

О земном мечтая рае,
Ищем следствий и причин.
Потихоньку вымираем,
Понимающе молчим.

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетёмся впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь всё, что в душе наikipело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не бречное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженье лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

Не ощущаем, как когда-то,
Во всём – присутствие Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живём в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи
И, слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждём заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

ДУХОВ ДЕНЬ

Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнётся тревога змеёю:
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землёю.

Жизнь промчится – исполнится срок.
Будет имя твоё позабыто.
И развеются прах и песок
И из мрамора, и из гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа,
Вот о ней-то подумать и надо.

На разочарования – плюнь.
Жизнь проходит – и что тут такого?
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День Сошествия Духа Святого.

И снова – март. И снова – слякоть.
И снова – всё наоборот.
И будет тощий диктор вякать
О том, что знает наперёд.

И будет смех подобен стону,
И будет властвовать обман,
Покуда мы, как на икону,
Взираем на цветной экран.

Не включай телевизор, не надо,
Хоть мгновенье побудь в тишине.
Меж ветвей опустевшего сада
Тихо звёзды плывут в вышине.

Не включай телевизор, не стоит
Видеть этот вселенский бардак,
Где мечтает весь мир перестроить
Каждый третий учёный дурак.

Не включай телевизор, послушай
Шум листвы и шептанье воды,
Воздух майский немного получше
Испарений партийной среды.

Не включай телевизор, не трогай,
Молча пусть этот ящик стоит,
И дыханье свободы и Бога
На мгновенье тебя посетит.

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Всё ждём. А надо бы спешить —
Немного нам Господь отмерил.

Распахнуты в рассветной мгле
Врата небесного чертога...
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

Не понять нам теперь всё равно
Величавость прошедших времён,
Только смутно доносит кино
Шорох платьев да шелест знамён.

Книга дрогнет в усталой руке,
И мечтаний рассеется дым —
Мы на разном совсем языке
Пишем, думаем и говорим...

Но как прежде — лепечет листва,
Так же птицы поют по утрам,
И всё те же молитвы слова
Наполняют предпраздничный храм.

Не коверкай эпохи итог,
Удержись на крутом вираже,
Ведь покуда Природа и Бог
Одичать не позволят душе.

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Мы прошлого и будущего дети.
Но даже за себя мы не в ответе,
Не то что за народ и за страну.
Мечтали о любви, о тихом счастье —
И с треском очутились в настоящем,
Как крест чужой, неся свою вину.

Наверное, старею год от года.
Виной тому не время, а природа —
Она, как ни крути, берёт своё.
Но, собирая прошлое по крохам,
Я всё же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытие.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

(13 апреля 2001 года)

Страстная Пятница. Апрель.
Молчат колокола.
А на дворе – метёт метель,
Весь мир объяла мгла.

Летит и тает мокрый снег,
И сквозь метель и грязь
Бежит усталый человек,
Тростинкой наклонясь.

Спешит сквозь непогоду в храм
Успеть. Хоть раз в году.
А в мире торжествует хам,
Что с бесами в ладу.

Такие вот дела вокруг,
И что ни говори,
Не разомкнут греховный круг –
Премьеры и цари.

Страстная Пятница. Апрель.
Весь мир окутал мрак.
А на дворе метёт метель
Весной. Как Божий знак.

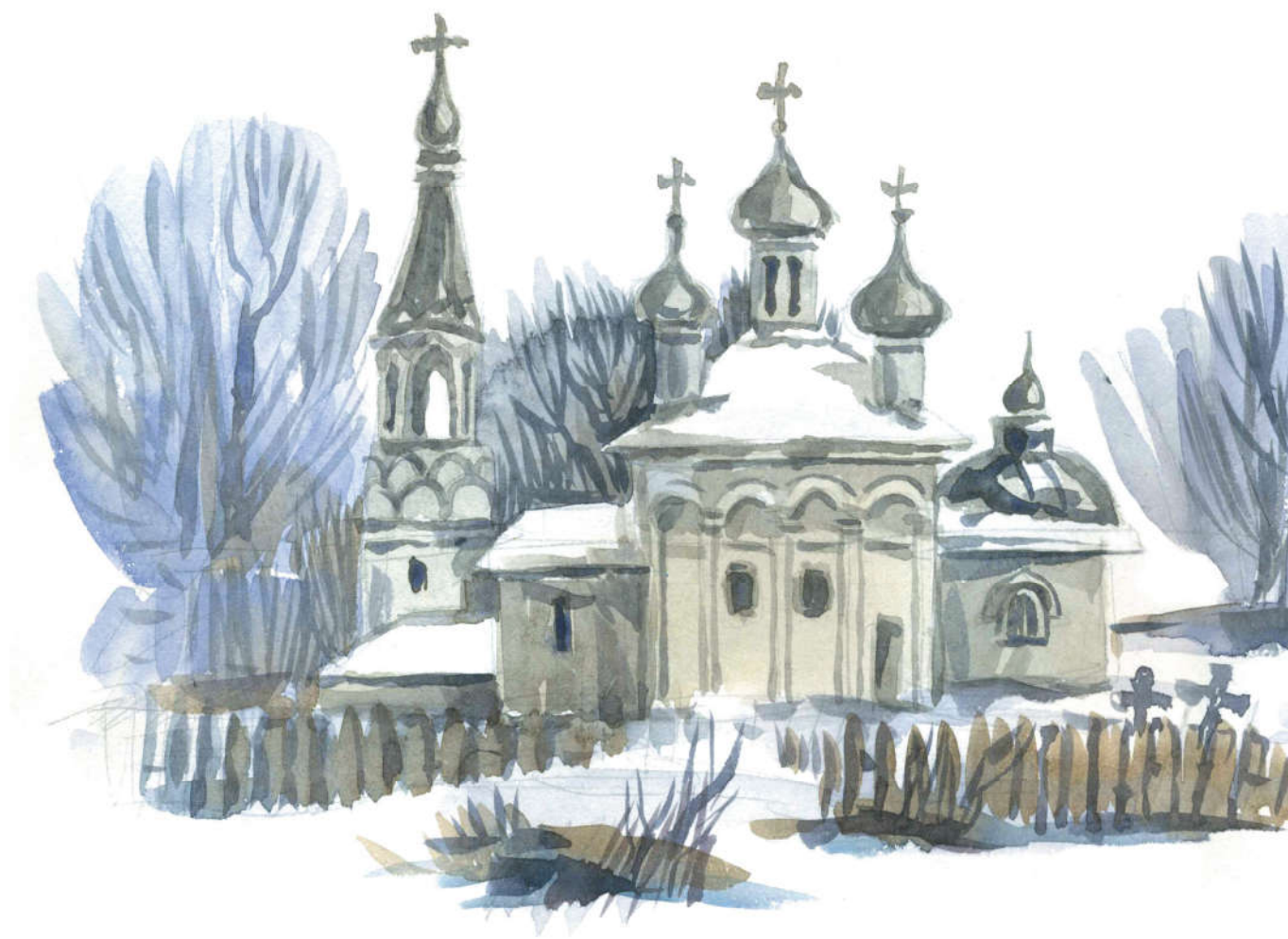
Времён минувших непогодь,
Последних дней лимит...
Предупреждает нас Господь,
Да всё не вразумит.

Боже, как мы все устали
От удачи невпопад,
От железных магистралей,
От бетонных автострад,

От назойливых событий,
От тревожных новостей,
От неведомых открытий,
От напившихся гостей,

И – ни охнуть, ни вздохнуть.
И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама
Мимо Бога, мимо Храма.

Кругом – бардак. Кругом – бедлам.
И лишь в душе Спаситель.
По вере вашей будет вам,
Чего ни попросите.

Темна осенняя река,
И берега в тумане.
Пусть вера ваша вам всегда
Оплотом духа станет.

Времен последних непогодь
Позёмкою кружится.
Пока хранит тебя Господь,
Не забывай молиться.

Чернеет снег. Мутнеет мгла.
Луна в тумане тает.
Душа, сгоревшая дотла,
Во тьме ночной мерцает.

Жизнь суетой такой наполнишь,
Что успеваешь чуть дыша...
А через месяц и не вспомнишь,
О чём тревожилась душа.

Как ныне причиняют мýку
Пустопорожние слова,
И снова зависть, ложь и скуку
Гордыни мелют жернова.

Конечно, надо быть мудрее.
А если проще – надо быть.
Свои потери не жалея,
Течение светлых дней любить.

И не пора ль остановиться,
Войдя в блистательный зенит,
Послушать лес, увидеть птицу,
Которая вот-вот взлетит...

Ну вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло берёзы
В холодной сиреновой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомненья и страхи легки.
Я без сожаленья и скуки
Приемлю течение реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно отчалила...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Здесь всё, наверно, так и было,
И будет, кажется, всегда.
Вот ива ветви уронила
На гладь застывшего пруда.

Всё приготовилось к разлуке
С осенним пиршеством судьбы,
И труженик в похмельной скуке
Для статуй делает «гробы».

Трава в снегу. Листы фанеры.
Он молча ладит молоток.
И на челе нагой Венеры
Застыл озябнувший листок.

Предвижу скорую разлуку,
Но счастьем не дорожу.
Меняю суету на скуку,
По лесу зимнему брожу,

Листаю памяти страницы,
Вдыхаю снежный дух хвои,
И желтогрудые синицы
Щебечут, словно соловьи...

Здесь тишиной меня подлечат,
И, одиночеством томим,
Пойду опять судьбе навстречу,
Твоей молитвою храним.

ЗИМНИЙ ПЛЯЖ

День отрадный. Снегопадный.
На дороге – след колёсный.
Вдоль залива – очень ладно
Ветер вытесал торосы.

Солнце, затерявшись в тучах,
Остывает постепенно...
Летом здесь, конечно, лучше.
Веселее несравненно.

Летом – суeta и пиво.
Нынче выпить негде даже.
Я стою один, счастливый,
На пустынном снежном пляже,

Где завьюжен, молчалив,
К небу тянется залив.

ЗАКАТ

Озябшие чайки кричат –
К таким холодам непривычны,
И в дымке морозной Кронштадт
Отсюда мне виден отлично.

Сомненья оставь на потом,
Вглядись в бесконечность простора –
Граница меж небом и льдом
Во мраке сокроется скоро.

Заката тускнеет пожар,
Сгущается мгла торопливо –
И солнца малиновый шар
Остынет в торосах залива.

В САНАТОРИИ

Три дня осталось в тишине
Гулять и тешить душу личным,
И доктор выпишет при мне
Невнятным почерком больничный.

Иду по парку не спеша,
Мне, право, нравится лечиться.
И не моя ли там душа
Качается на ветке птицей?

Вот-вот взлетит. Вспорхнёт вот-вот,
Забыв про свод врачебных правил.
Мир, полный мелочных забот,
Возьмёт и навсегда оставит!

Не сквернословлю. Не курю.
Не пью. Вот разве только чаю...
И эту раннюю зарю,
Как милость Божию, встречаю.

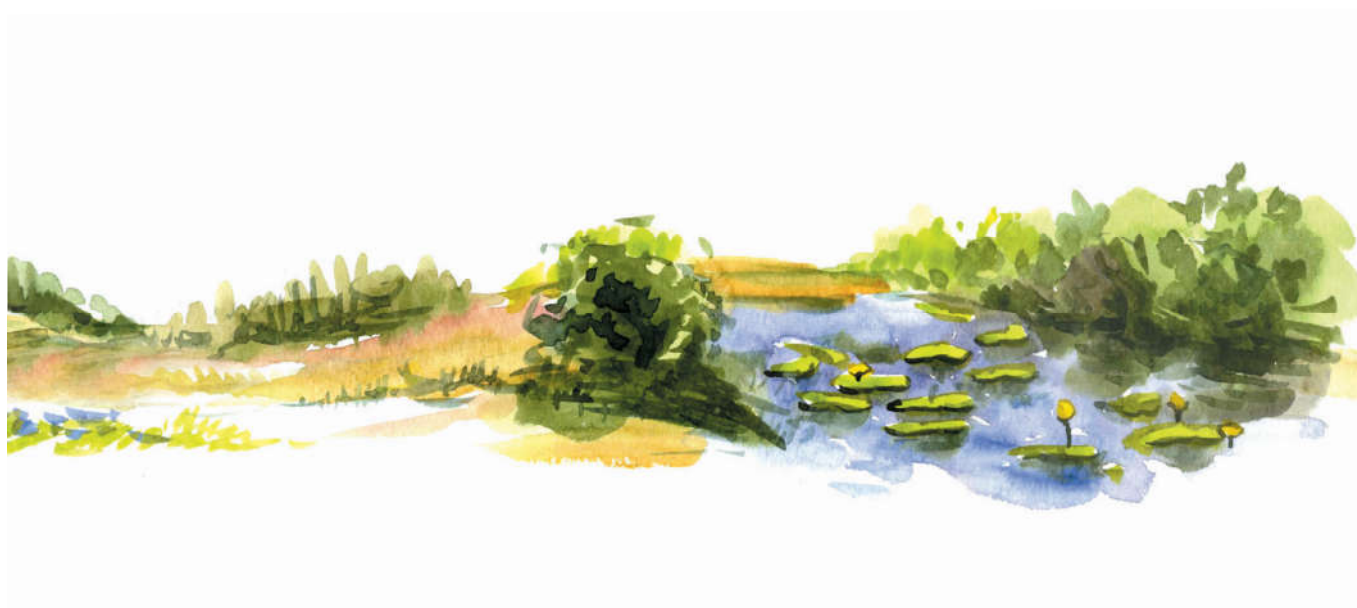
ПРУД

Дней суетливых череда
Сплелась цепочкой длинною.
Жизнь застоялась, как вода
В пруду, заросшем тиною.

Кусты ракиты там и тут
Листвой шуршат украдкою,
Ничто не потревожит пруд,
Его поверхность гладкую.

Друзья уснули и враги.
Кругом покой немеющий...
Брось камень – не пойдут круги
По глади зеленеющей.

Храни тоску. Цени покой
И верь лишь в настоящее,
И мни сквозь сон себя рекой,
К морским волнам спешащею.

Во тьме пропал товарищ мой,
Растаял без следа.
Его покрыла с головой
Неверия вода.

И прав во всём, он жил как жил,
Вгрызаясь в бытиё,
Не ведая того, свершил
Предательство своё.

Не осуждаю. Не ищу
Ни следствий, ни причин,
А просто искренне грущу
О дружбе двух мужчин.

О городе, где был рождён,
О юности былой,
О днях, чей след был заметён
Полярной вьюгой злой.

Душа тепла не сохранит,
Но и не вспомнит зла...
И пусть Господь его простит
За все его дела.

Украшена огнями ёлка —
Готовы к празднику давно
В том доме на краю посёлка,
Где тускло светится окно.

Забуду расставаний мўки,
И пусть душа наивно лжёт —
От суеты и от разлуки
Судьба меня не бережёт.

И вновь, как прежде, в тусклый вечер
Мне возвращенье предстоит,
И вновь, как прежде, снежный ветер,
Смеясь, вдогонку засвистит.

Мне одиночество знакомо,
А ваша дружба — ни к чему.
И я спешу навстречу дому —
Единственному, своему,

Где пахнет жареной картошкой,
Где стынет чайник на плите,
Где жизнь проходит понемножку
В предновогодней суете.

СВАЛКА

С утра машина за машиной
Привозят мусор городской.
Всё выше высится вершина
Зловонной мерзости людской.

Наверно, завтра будет лучше,
И нас совсем оставит бес,
А ныне – мусорные кучи
И дым клубится до небес.

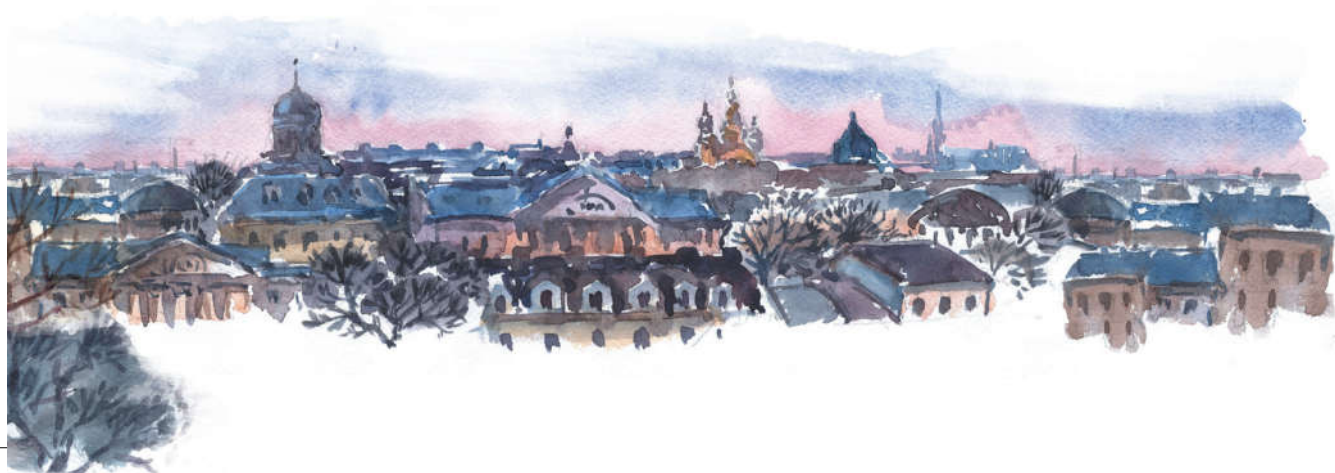
Небесные темнеют своды,
Земную впитывая грязь,
А равнодушные уроды
Идут по жизни, веселясь.

Человек боится темноты.
Человек боится высоты,
Бедности, болезней, неудачи.
И в круговороте суеты,
Потеряв остатки простоты,
Всё боится не успеть к раздаче.

Потеряв надежду и покой,
Рыщешь волком в суете мирской.
Копишь униженья и сомненья.
Счастье не оценивай рублём –
Пенный след волны за кораблём –
Все наши земные достижения.

Что без веры наше бытиё?
В этом – и спасение моё,
В этом и сомненье, и надежды.
Остывает медленно земля.
В опустевшем парке тополя
Примеряют белые одежды...

На всех – и сытых, и голодных –
Одно и то же, хоть ты плачь, –
Убожество журналов модных
И тупость телепередач.

И верит каждый – как иначе? –
И в справедливость, и в прогресс,
И вся держава хором плачет
Над гибелью чужих принцесс.

Все одинаково угрюмы.
И на просторах всей страны
На всех – одни и те же думы,
У всех – одни и те же сны.

Как тихо в нашем околотке!
Я времени не тороплю.
С устатку выпью рюмку водки,
Неспешно баню протоплю.

В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря, как молча рыба стая
Заходит в сети рыбака.

БИОГРАФИЯ

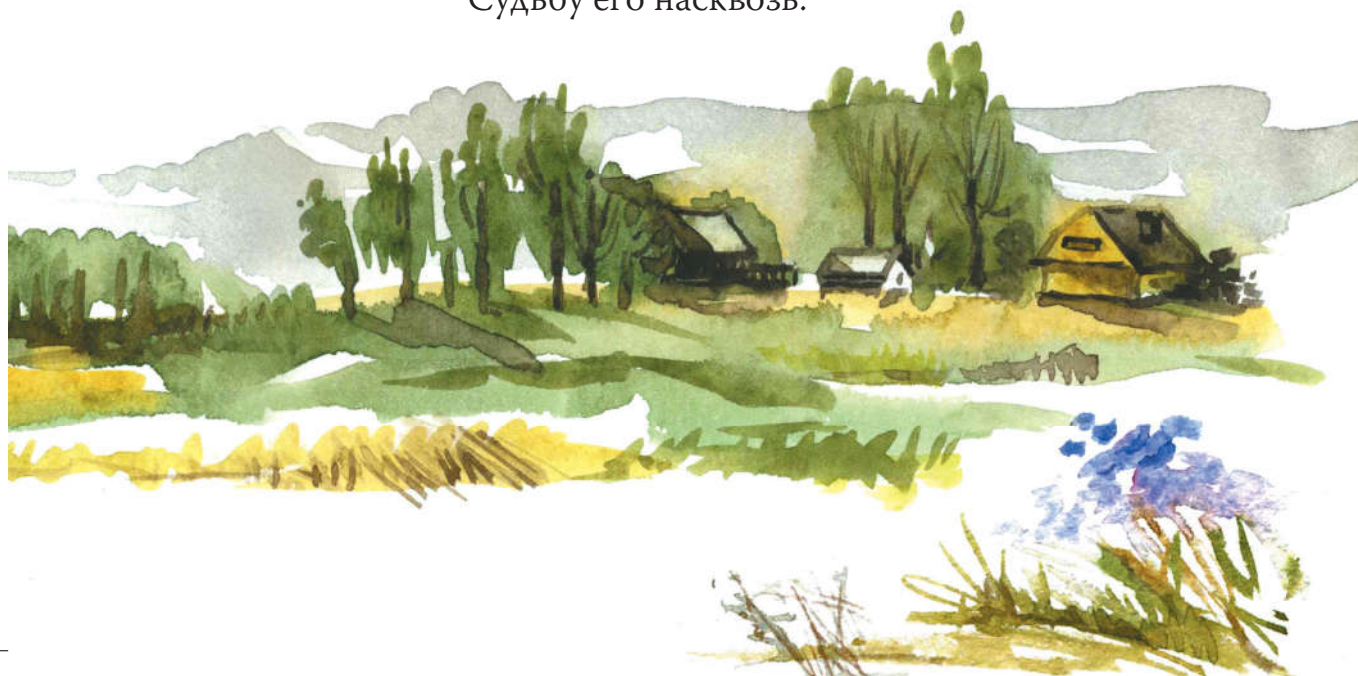
Он жизнь свою как книжку
В трамвае прочитал:
Жил второпях, вприпрыжку,
В компаниях блистал.

Всё, суетясь, носился
В круговороте дел...
Как вдруг остановился,
На миг остоленел,

И тут неумолимо
Тоска его нашла –
И понял он, что мимо
Вся жизнь его прошла.

Близка к концу дорога,
И страх гнетёт уже –
Ни счастья, ни Бога
В озябнувшей душе.

Гулял по белу свету,
Надеясь на авось,
И продувает ветер
Судьбу его насквозь.

Причинно-следственные связи
Не путай, глядя с высоты.
Лечебными бывают грязи
И ядовитыми цветы.

Решай, своё имея мнение,
Не отвергай чужой совет,
Бывает горечь поражения
Достойней радости побед.

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Всё равно мне – готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвенит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же всё останется, как было:
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака...

Не решай судьбу иных столетий!
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

Мне ночью плохо спится.
Мне ничего не снится,
Маячат чьи-то лица
И тьма на всей земле...
Храпит во сне столица,
Озябшая синица
На ветке серебристой
Качается во мгле.

Течёт однообразно
Движение жизни разной.
В ночи крестообразно
Мерцают фонари.
Душа оставит тело
В дремоте онемелой,
И будет неумело
Скитаться до зари...

Озябшая, вернётся
И солнцу улыбнётся,
И время повернётся,
И на круги своя
Вернётся всё, что было,
Что полночь растворила,
Что мысль на миг забыла
Во мраке бытия.

Ах, как раньше писалось!
Эх, как раньше пилося!
Всё куда-то девалось,
Как-то оборвалось...

Стал не то чтобы старше,
И не то чтоб устал...
Но с колонной на марше
Успевать перестал.

Всё не в ногу, не в ногу,
Всё не в лад, да не в ряд,
Да и той ли дорогой
Мой шагает отряд?

Но никто не ответит,
С горьким чувством вины
Вдруг захочешь на свете
Одного – тишины.

В этом мире пропадаем
Судьбы переплелись,
Дорожить настоящим
Поскорей научись –

Не в колонне, на марше,
Но один, не спеша.
И едва отдышавшись,
Потеплеет душа.

Хотелось жить легко, красиво,
Сверкать, как факел на ветру.
Хотелось славы, словно пива
Холодненького поутру.

Потом куда-то всё пропало
И пообветрилось слегка,
Привычным и обычным стало,
Как эта рюмка коньяка.

ВОКЗАЛЬНОЕ

Летят дороги дальние
Отсель во все концы.
Гудит толпа вокзальная,
Призывно бьют часы.

Народ бежит и мечется,
Торопится, спешит,
Во все концы Отечества
Отсюда путь лежит.

Летит шальное времечко,
И множится тщета,
Повсюду – пиво, семечки,
Повсюду – суета.

Законы расписания
Здесь по привычке чтут,
Состав без опоздания
К перрону подадут...

Неоновыми брызгами
Сверкнёт герба литьё...
Залузгали, замызгали
Отечество моё!

Захапали. Залапали.
Профукали. Проплакали.
В безбожном онемении
Летим навстречу темени...

Какая осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь – целый день в заботах,
Так что кружится голова –
Покрасил заново ворота,
С размахом напил дрова,

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь не спеша к забвению,
Как к продолжительной зиме.

От Родины снежной и сложной
Уеду на юг отдыхать.
Гулять не спеша, осторожно
Просоленный воздух вдыхать.

Мечтал о покое. Покоя
Теперь мне хватает вполне.
Я глохну от шума прибоя
При анатолийской луне...

Но память закружит обратно,
И прошлого ветер настиг,
И снежную пылью внезапно
Окутан, застыну на миг.

РИМ

Рокочет недовольная река.
На берегу в песке играют дети...
В душе гудят минувшие века,
И на моих сандалях пыль столетий.

Я вечность эту вижу наяву.
Устал от зрелищ. И наелся хлеба.
Рим пал давно. А я ещё живу.
И, радуясь, гляжу на это небо.

Е. Бочкарёву

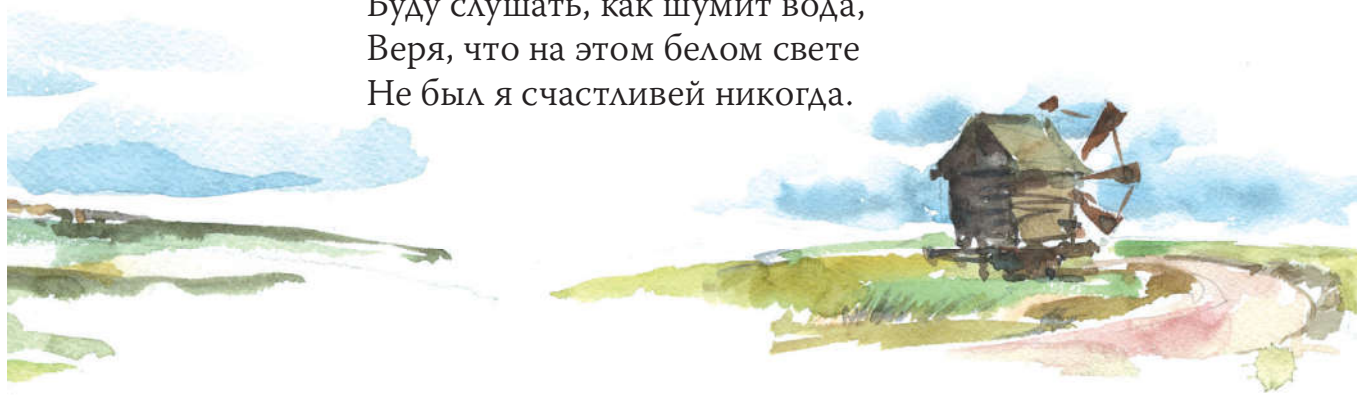
Чайки белокрылые кричали,
У детей хватали хлеб из рук.
Пароход, как молодость, отчалил
От причала будущих разлук.

Над кормою встрепнулись флаги,
За волной волна пошла легка,
Словно из обёрточной бумаги,
На ветру трепещут облака.

Гул вокзала глуше, еле слышен,
Солнце тихо катится в зенит,
Мне никто сегодня не напишет
И никто уже не позвонит.

Никому теперь уже не нужен
Для преодоления рубежей.
Пусть теперь тоска меня окружит
Деревянным кружевом Кижей!

Буду водку с другом пить в буфете,
Буду слушать, как шумит вода,
Веря, что на этом белом свете
Не был я счастливей никогда.

Белоснежным и розовым маем
Цвет вишнёвый разбросан везде...
В Бирмингеме речные трамваи
Нас везут по зелёной воде.

Всё понятно вокруг и привычно
В суете туристических дней.
Этот город кирпично-фабричный
Стал как будто теплей и родней.

И покажется – дома плыву
По оснеженной Пряжке в Неву.

А в Лондоне под Рождество
 Пылают жаркие каминь,
 И виски с пивом пьют мужчины,
 Сигарой тешат естество.

Газонов майский изумруд,
 Здесь в декабре цветут фиалки...
 Прогулки по утрам в Гайд-парке
 Пешком. По сорок пять минут.

С подарками народ спешит
 Домой. А я неторопливо
 Сижусь с огромной кружкой пива.
 Смотрю на роскошь Regent street.

Величие и простота.
 И храмов Божьих пустота.

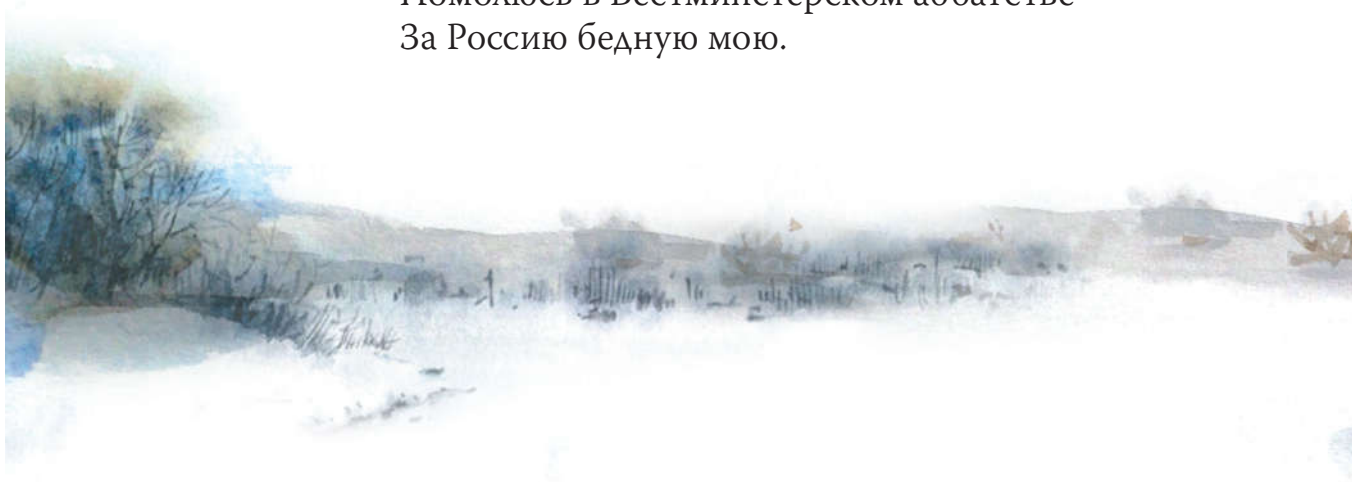
В Лондоне, конечно, жить неплохо.
Жизнь кипит повсюду до зари.
Многоликий и весёлый Сохо
Яркие развесил фонари.

В декабре не нужен здесь и свитер,
Но, кичась величию своим,
Все помёрзли б, если бы на Питер
Развернулся сказочный Гольфстрим.

А в моём Отечестве тоскливо,
Ничего хорошего не ждём.
Только бабки да крутая ксива,
Только сумрак, только снег с дождём.

Заржавели грозные ракеты.
Продан флот. Зажарен соловей.
Но гордиться буду и балетом,
Думая о Родине своей.

Нет в душе ни боли, ни злорадства.
Не злоблюсь и мести не таю...
Помолюсь в Вестминстерском аббатстве
За Россию бедную мою.

В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Господь определит судьбу:
Кто – в адмиралы, кто – в поэты.
Ему – разглядывать в трубу
Чужие звёзды и планеты.

Трудился много лет подряд
И познавал устройство мира...
И небо всё твоё, и сад,
И эта тесная квартира.

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста:
Жизнь прожил – мухи не обидел.

Тускнеют, ослабев, глаза.
И плечи сторбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

АФОН

Молитвы тихие слова
И колокольный звон,
И доносящийся едва
Чуть слышный шелест волн.

Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках – монастыри,
Как силуэты гор.

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад.
Один завет, один закон
На много лет подряд.

Смахну беспамятства слезу
Тяжёлою рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой.

Я на мгновение был спасён
В невежестве своём,
В туманной дымке вознесён
Над смрадным бытиём.

Извечной мудрости ответ
Получен мной уже.
Он, как звезды далёкой свет,
Чуть теплится в душе.

В МИРАХ ЛИКИЙСКИХ

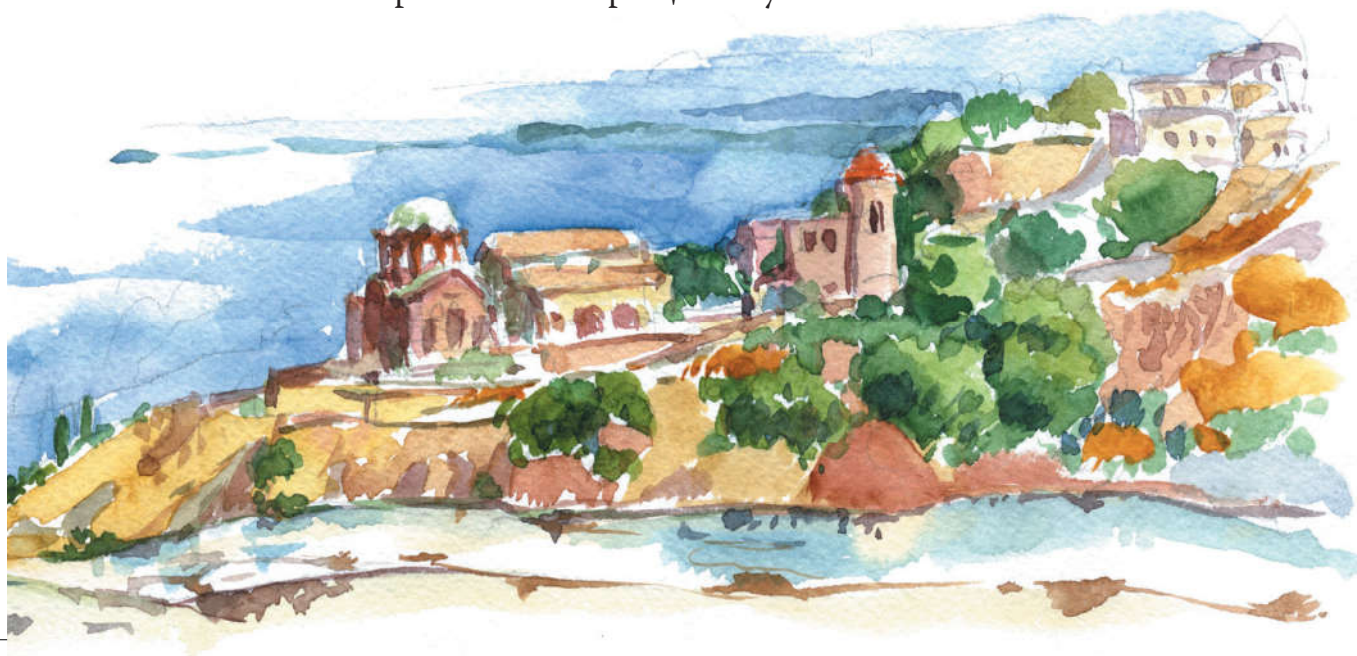
Как только заполющется рассвет —
Уже кричат о чём-то муэдзины.
Здесь жили греки, а теперь их нет,
Лишь храма православного руины.

Заботливой турецкою рукой
Посажен сад. Расчищена площадка.
Вокруг царят довольство и покой
И чистота музейного порядка.

Едва заметна от пожаров гарь.
Улыбчивы и добродушны лица.
Вас проведут и в церковь, и в алтарь,
Покажут опустевшие гробницы.

Но отчего в мерцании ночей
Тревогою наполнены молитвы?
И слышится суровый звон мечей,
И не стихает гул далёкой битвы...

Луна. Песок. Собак унылый лай.
Затихло море и пуста дорога.
Молись о нас, Святитель Николай,
Проси за нас прощения у Бога.

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь сначала,
Примеряясь, не спеша.

Суэта иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Всё казённое: квартира,
Мебель, кухня, телефон,

Лампа и комплект постельный –
По реестру бытиё.
Лишь душа да крест нательный –
Всё имущество моё...

Я молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непого́дь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь...

Метёт по всей округе,
Во мгле морозной дали.
Куда вы делись, други?
Куда вы все пропали?

Метель тоску остудит.
Зима – белым-бела...
Поговорят – забудут,
У всех свои дела.

А за стеклом оконным
Темнеют дали...
Назавтра и не вспомнят,
Как звали...

Иная жизнь, иные сны,
Иные разговоры.
Мерцают в отблесках луны
Бескрайние просторы.

Судьба поспешна и строга,
Поспорит с ней не всякий.
Заснеженные берега
Растаяли во мраке...

Застыла в сумерках луна,
Уняв твою тревогу...
К другому виду из окна
Привыкнешь понемногу.

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.

Прозрачны промёрзшие дали,
И видится так далеко,
И осени хмурой печали
Развеялись утром легко...

Не так ли, в сомненьях запутан,
Нисходишь во мрак не спеша,
Но вдруг в роковые минуты
Становится зрячей душа...

От Волхова до Иртыша
Летела в сумерках душа
Среди промёрзших облаков,
Освободившись от оков
Земной тревожной суеты,
И звёзд хрустальные цветы
Звенели в лунной тишине,
И было одиноко мне
Без быта и без бытия...
Как невесома жизнь моя,
И тает вереницей дней
В мерцанье бортовых огней.

Где-то спят большие города,
Пишутся стратегии и планы...
Остывает по ночам вода,
Тают предрассветные туманы.

Маяка остынет уголёк,
И засуетятся чайки скоро,
И ворчит усталый дизелёк,
Затерявшись в ладожских просторах.

И гудят чуть слышно провода,
И небес светлеет покрывало,
И дрожит последняя звезда
В тихой ряби старого канала.

Осень скоро постучится
Проливным дождём.
Как там сложится, случится? –
Всё сидим да ждём.

Ветер гонит клочья дыма,
Поздний час.
Жизнь прошла неумолимо
Мимо нас.

Отмечаю последние даты,
Провожая сентябрьские дни,
Как в преддверии скорой утраты,
Догорают ночные огни.

Опоздал я – и нет мне ответа,
Волны катит река не спеша.
От дождливого, хмурого ветра
Отогреется вряд ли душа.

Слишком долгой была непогода,
Слишком долго мы ждали тепла,
И последний гудок парохода
Поглотила озёрная мгла.

Тяжелеют волны у реки,
И вода туманом стать готова.
Терпеливо мёрзнут рыбаки
В ожиданье крупного улова.

В инее застыли камыши,
Замолчали до рассвета птицы.
Тишина. Не видно ни души,
Даже солнце выглянуть боится.

Я иду по берегу один,
Но предзимья каждый миг лелея,
В ожиданье скорых холодин
Душу бы укутать потеплее.

Вот наконец-то и зима.
Трещат дрова в печи.
И звёздных искр кутерьма
В редеющей ночи.

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошёл...
Никто не вспомнит обо мне —
И это хорошо.

2002

45

Небеса обличительно немы,
Час затишья перед бедой.
Как подумаешь: кто мы и где мы,
За какой оказались чертой...

Черeda бестолковых событий
Затянула нас в круг бесовской.
Опьянённые жаждой открытий,
Захлебнулись заморской тоской.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни...
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни.

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пройдёт не спеша.
И как солнечный отсвет, нетленно
Встрепенётся и вспыхнет душа.

Умом Россию не понять...

Ф. Тютчев

И флаг у нас теперь, и гимн.
С геральдикой решили тоже.
А вот с Отечеством самим
Не получается, похоже.

Все в мире – сами по себе,
И свой шесток – всего дороже,
А мы в неистовой борьбе
Хотим всё время быть похожи.

И во вселенской суете
Переменяем все наряды...
Но мир не тот. И мы не те.
И нам давно нигде не рады.

Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле...

В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несётся
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовётся?

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...
Крадущемуся зверю
Читаю «Отче Наш».

Пусть я ещё не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещей слов.

Похоронив отца и мать,
Тогда не ощутил сиротства.
У молодости превосходство –
Без слёз беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье плату.
Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далёкий...
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу,
И в пустоте дневного храма
Затеплю жёлтую свечу
И помяну отца и маму,

И воспарит душа, легка,
И зашумит листвою лето,
И памяти моей река
Несёт меня навстречу свету.

Слава Богу – всё со мной:
Ручка, чистая бумага,
Гул метели за стеной,
Огоньков печных ватага.

Слава Богу – всё моё:
Ночь, звезда в морозной сини,
Тишина и бытиё,
На окне застывший иней.

Слава Богу – никому
Ни советов, ни отчёта...
И колеблет ночи тьму
Звёзд немая позолота.

Здесь, в молчании снегов,
Тишина – моя награда.
Слава Богу, ничего
Большого уже не надо.

Как второсортное кино,
Чужие сны смотреть устали.
Чужие помыслы давно
Как будто собственными стали.

И новостей вдыхая пыль,
Мы жить не можем без подсказки,
И словно собственную быль,
Чужие изучаем сказки.

Чужих мечтаний непогодь...
Как тяжело сквозь тьму наветов
Услышать, как зовёт Господь
От мрака к свету!

Когда ненастье на пороге
И страх гнетёт в ночной глуши,
Тогда мы думаем о Боге
И о бессмертии души.

И молимся о доле лучшей,
Пытаясь соблюсти посты, —
Но лишь Господь развеет тучи,
Мы вновь во власти суеты.

Что ж, пронесло — и слава Богу! —
В круговороте кутерьмы
Опять греховною дорогой
Спешим привычно в царство тьмы...

Не жди, когда придёт беда,
Молись и бодрствуй всегда!

Безнадёжно устав от прогресса,
От вселенских дорог вдалеке,
Золочёным сентябрьским лесом
Выйду к утренней тихой реке.

Тяжелы её синие воды.
От далёких полуночных стран
По велению вечной природы
Волны катит река в океан.

В белый лёд превратится движение.
Шум застынет в полярной тиши.
Будет русло меняться. Но время
Не остудит движенья души.

Под громадой застывшего льда
Будет вечно струиться вода.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО ТЕМЗЕ

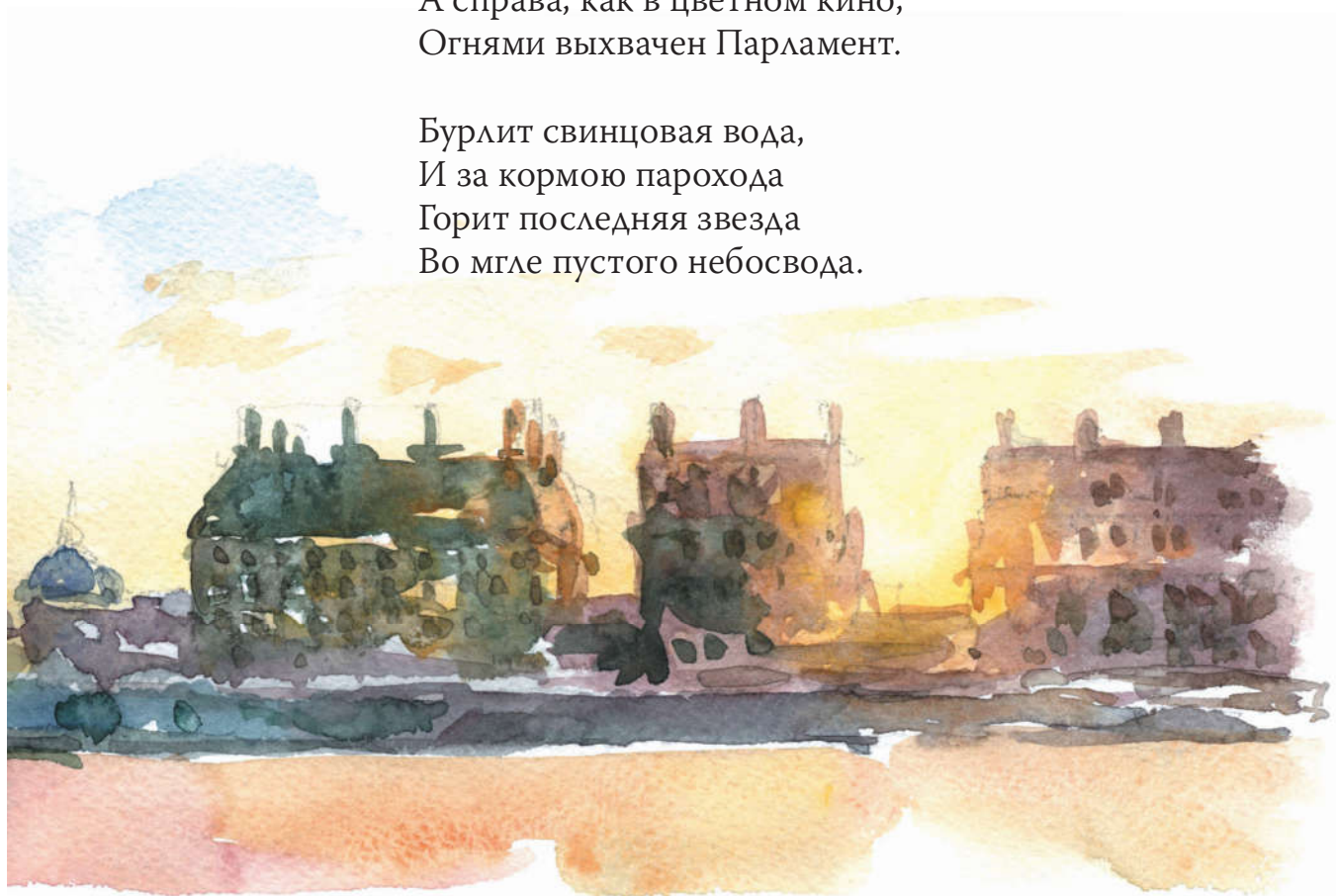
Над Лондоном, как мотыльки,
В ночи мерцают самолёты.
Дрожат на дне ночной реки
И звёзд огни, и окон соты.

Побыть хотелось одному,
Хотя бы и вдали от дома,
Но вновь я ввергнут в кутерьму
Ветхозаветного Содома.

Корабль плывёт. Дрожит бокал.
Разносят виски и закуски.
Улыбки вежливый оскал.
Речь по-английски и по-русски.

Я пью чилийское вино.
Westminster Bridge плывёт над нами,
А справа, как в цветном кино,
Огнями выхвачен Парламент.

Бурлит свинцовая вода,
И за кормою парохода
Горит последняя звезда
Во мгле пустого небосвода.

Растаял след инверсионный
В пустых, прозрачных небесах,
Гул самолёта отдалённый
Затих в синеющих лесах.

И потревоженные дали
Опять застынут на века,
Без усталости и без печали
Под ними вдалеке стремится река.

И ты, измученный сомнением
Во мраке лживой суеты,
Застынешь в скорбном изумлении
От величавой простоты.

И если есть на свете вечность,
То выглядит она такой –
Сияющая бесконечность
Над бронзовеющей рекой.

УСТЬЕ

Я смотрю с какой-то тайной грустью
На простор зелёно-голубой,
Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самой собой.

На курган взойду спеша и скоро,
Станет мне иная даль видна –
Растворится в ладожских просторах
Волховская бурная волна.

Так и мы во всех своих стремленьях
Знаем свой итог наверняка –
К устью катит дни без сожаленья
Жизни нашей бурная река.

И добро бы бурным стать потоком,
Океаном, озером, а то –
Порасти болотною осокой,
Превратясь неведомо во что.

Сколько благодати в человеке
Заложил всемилостивый Бог!
Посмотри – меняют русла реки...
Ну и ты, конечно, стать бы смог –

Океаном, озером, течением
Полноводной, царственной реки –
Но подвластны суетным влечениям
Нашей скудной жизни ручейки.

Мелкие интриги, слухи, враки,
Суета в стремлениях – и вот
Исчезаем в безысходном мраке
Ничего не значащих болот...

Дует ветер с ладожских просторов,
Гомон птиц в желтеющих лесах,
Купола зелёные соборов
Отразились в синих небесах.

Я смотрю с какой-то тайной грустью
На простор зелёно-голубой...
Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самой собой.

С зимой, похоже, всё в порядке.
Морозец спал. Снежок парит.
И по ночам на стройплощадках
Ханты-Мансийска свет горит.

Фасады высятся вальяжно
Над среднерусской суетой,
И город мой разноэтажный
Летит над сумрачной тщетой.

Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно,
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Умы давно поистощились...
Теперь вот не хватает рук...
Когда ж Господь явит нам милость,
Освободит от вечных мук?

Законны вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья.
Уйдём, неся свою вину,
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

Shirley -

~~Referring to the above case~~

u

no 2nd

xxd

Расчетное поле

Bo 10

Личные данные

Рассказано пополю нам сестры

~~B-2424~~

В чреве человека рождается.

~~Just equal.~~

Детство.
Попробуй обрести свой дом...
и найти за миром и любовью друзей...
Вот так ^{Самое} ~~невозможно~~ ^{прекрасное} ~~детство~~ ^{моя жизнь}
- было по себе милое...
Много медовых дней...
Вот так

[illegible]

Вопрос ~~неавторский~~ ^{состав} - ~~хорошо~~ ^{хорошо} по ~~Сем~~ ^{Сем} ~~неавторский~~ ^{неавторский}...

Старый банк

Il faut donc considérer

~~Was ist die...?~~

Тема 11. Управление Системами

Handwritten text: *Handwritten notes in blue ink, partially obscured by a red line.*

~~business was a~~
~~more as a~~
help...

...there,

(Handwritten notes at bottom of page)

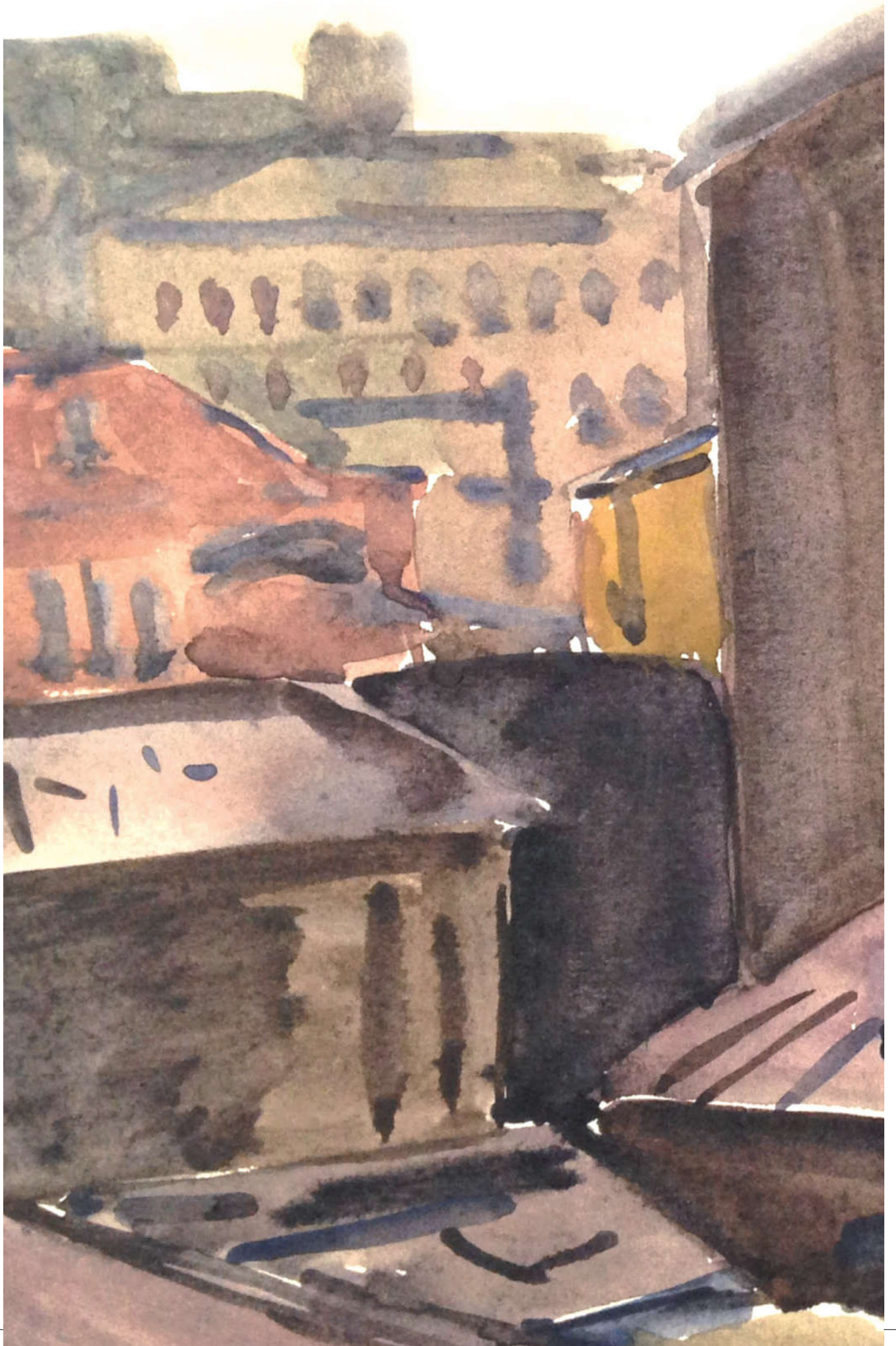
Вспомогательные материалы

Безопасность населения

Розроблюючи курсову роботу, я використала наступні джерела:

Решение
— это решение
по описанию

La ~~unione~~ unione

2003

Не все что есть человек
То во прошло - прошло не все
То во прошло - не вернуть,
Не воскресит не воскресит
Лишь только в памяти своей
Была еще следов дует...

Пусть на дворе ещё зима –
В моём краю привычно это.
Морозы. Снега кутерьма.
А ночью – ночью снится лето.

Жара. Спасительная тень
Не шелохнётся надо мною,
Уже подряд который день
Я упиваюсь тишиною.

Уже который день подряд
Не слышу глупых разговоров.
Наполнен яблоневый сад
Дыханьем ладожских просторов.

И ты, как будто наяву,
Опять ко мне с крыльца спустилась...
Упало яблоко в траву
И покатилося...

Погаснут светила в полуночный час,
В преддверье крушенья эпохи
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнём погребальным взметнётся ковыль
Над Родиной снежной и сонной.

Судивший нас – с нами во мрак снизойдёт,
Кровавой напившись свободы.
Сомкнётся над нами бессмертия лёд,
Застынут мятежные своды.

Но снова заплещется веры вода
В глазницах пустых океана.
Истлеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

Смотрю телевизор, тупея,
И в тысячный раз не пойму:
Как быстро Россия, Расся
Скатилась в кромешную тьму!

Мгновенно забыли кумиров,
Привычки сменили, спеша,
Но шествию чуждого мира
Противиться стала душа.

Господь не оставит вовеки,
Сквозь мрак бесовской проведёт,
Покуда ещё в человеке
Хоть искорка веры живёт.

Я высказаться тороплюсь,
Отринув истину от бредней,
Спеша, Спасителю молюсь –
А ну как этот день последний?

А ну как если не успеть
Связать распавшиеся строфы,
Недолюбить, недотерпеть
В канун вселенской катастрофы?

Но что с того – наверняка
Услышано не будет Слово.
Молчит осенняя река,
Назавтра мёртвой стать готова.

Умолкли птичьи голоса,
И тишина гнетущей стала,
Молчат глухие небеса,
С утра нахмурившись устало.

Молчат деревья, камыши,
Молчит село. Молчит дорога.
Но зреют в глубине души
Слова, которые от Бога.

Всё выше, и выше, и выше —
Сумели себя побороть.
Но только всё видит и слышит
Всегда милосердный Господь.

Всё проще, и проще, и проще
Становятся мысли и сны.
Шумят облетевшие рощи
Когда-то великой страны.

Всё больше, и больше, и больше
Берёт ненасытный сосед —
Уменьшимся скоро до Польши,
А после — и вовсе на «нет».

Всё хуже, и хуже, и хуже
Живёт мой полуночный край.
Всё уже, и уже, и уже
Дорога, ведущая в рай.

Жизнь состоит из работы,
Пьянок и мелких страстей.
Росказни, сплетни, заботы,
Мутный поток новостей.

Словно запутал нас кто-то,
Ищем – не можем найти,
Словно бы важное что-то
Мы потеряли в пути.

Кружат и свищут метели,
Звёзды погасли во мгле.
В небо не часто глядели –
Слишком тянуло к земле.

Кабы немного усилъя –
Сумрачный мир превозмочь,
С шумом раскрылись бы крылья,
С треском разверзлась бы ночь...

Только гнетёт в небесах
Сферы небесной размах.
Сложатся крылья, шурша –
Жаждет покоя душа.

ВЕСНА

Тает жизнь, как снег на руке,
И почти не осталось запаса.
Прочен лёд на весенней реке,
Но закрыта по зимнику трасса.

Жизнь мчит, суетясь и спеша,
Перепутались лица и даты,
Отчего же, скажи, вдруг душа
Озаботилась чувством утраты?

Может, ранняя эта весна,
Пробудившая сонные реки,
Может, просто лекарство для сна
Выбрать нынче в ближайшей аптеке?

Видно, просто иная пора
Приближается неумолимо,
Ветры с юга задуют с утра,
Приближая развязку незримо.

Реки вскроются. И не спеша
Поплывут белоснежные льдины
От ольховых болот Иртыша
В ледниковое царство чужбины.

Предраассветное чувство беды
Вдруг исчезнет, как сумрак тумана,
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана.

Струится дымкой горизонт
За ладожским простором,
Колышет ветер пляжный зонт
Над шиферным забором.

Мы в бане паримся с утра,
Но пар костей не ломит.
Мы водку пьем. Июль. Жара.
Нас в сон полдневный клонит.

Сегодня некуда спешить,
И завтра, впрочем, тоже.
О, как прекрасно просто жить
На этом свете Божьем

И наблюдать, как из земли
Струится зной устало,
Как проплывают корабли
Вдоль берега канала.

НЕМЯТОВО

Б. Матвееву

Утром – в порядке давленье,
Значит – лекарства не пить.
Новое стихотворенье
Можно к обеду слепить.

К Ладоге выйти, как к морю,
Воздух бодрящий вдохнуть,
В гости к весёлому Боре
На шашлычок заглянуть.

Боря, хоть лыка не вяжет,
Валенки тут же обул.
Гостю подробно расскажет
Про Кандагар и Кабул.

Гений любви и злодейства,
Мелких и нудных интриг,
Он – генерал лицедейства,
Тайный и важный стратиг.

Как я люблю эти встречи!
Сети. Рыбацкий баркас.
Солнечный ладожский вечер.
Пьянство, живущее в нас...

И воспарят над бедою
Красный закат вдалеке,
Церковь над синей водою,
Баня на жёлтом песке.

Вечность и бренность в стакане,
Но устоим в непогóдь.
Пусть нас удача обманет –
Всё же не выдаст Господь.

Сложно всё в жизни. И просто.
Господи, Боже ты мой!
В сумерках мимо погоста
Я возвращаюсь домой.

Мимо вселенского мрака
В пепле сгоревшего дня
В дом, где жена и собака
Ждут с нетерпением меня.

Мы были крепче стали,
А кем мы нынче стали?
Нас всех товарищ Сталин
Давно б пустил в расход.
Нуждаемся в лечении,
И тихо по течению
По щучьему велению
Плывёт наш пароход.

Мы стали очень плохи.
Мы – стоны, всхлипы, вздохи.
Мы на краю эпохи.
Мы сброшены в отвал.
Всё было – честь и слава...
А нынче всё – потрава.
Великая держава –
Дешёвый карнавал.

Мелькают маски, ленты,
Вожди, эксперименты,
Заезжие клиенты
И люди без лица.
Всё близится к развязке
В последней этой пляске,
И в этой страшной сказке
Недолго до конца.

Мне всё известно это,
Давно не жду ответа.
Пускай мне это лето
Подарит тишину.
Развеет мрак и горе
У Ладожского моря,
Зажжёт в ночном просторе
Высокую луну.

Твои глаза и руки,
Минувшей жизни мўки,
Забытые науки,
Тома ненужных книг,
Полуденное солнце,
Песок на дне колодца...
И пусть мне улыбнётся
Любви прощальной миг.

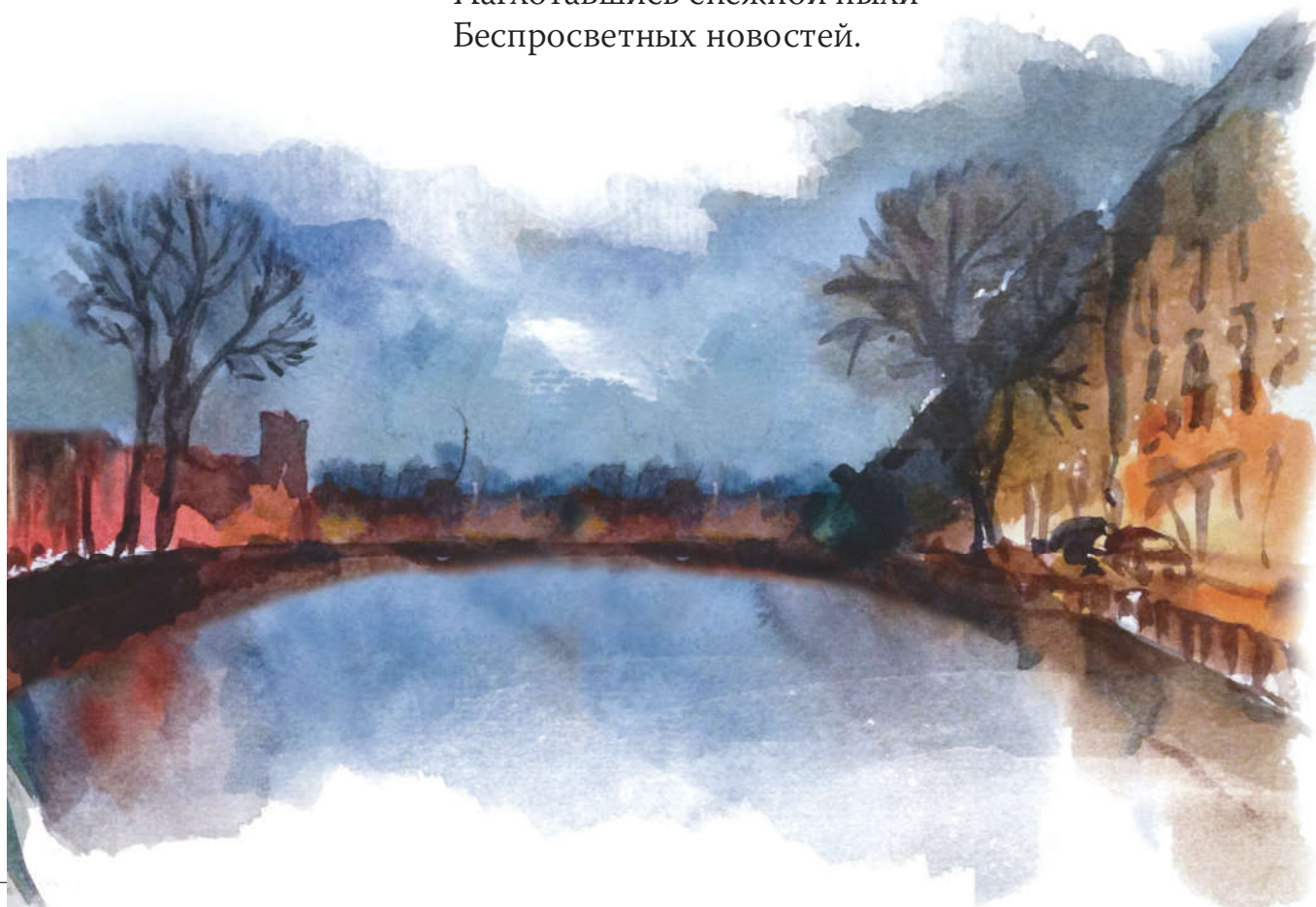

Ночь темна. И дождик блёклый
Занавесил фонари.
Молибденовые стёкла
Отражают луч зари.

Окна гаснут постепенно.
Вступит ночь в свои права –
От заката до рассвета
Потускнеет синева.

Чёрно-жёлтое пространство,
Голубые купола,
И от чтенья, как от пьянства,
Разболелась голова.

Мы давно про всё забыли
И давно не ждём гостей,
Наглотавшись снежной пыли
Беспросветных новостей.

Нет надежды. Нет просвета.
Говорят – не будет лета.
Да и то – опять дожди,
Словом, счастья не жди.

Нам на это наплевать.
Выпьем водки – и в кровать.

Этот вечер не тронут прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран
Дым печной расстелился над лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку –
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски.

Кто мы, где мы, зачем и откуда?
Всё бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаём города.

Жизнь прошла ради денег и славы.
Слишком поздно смотреть на часы,
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы.

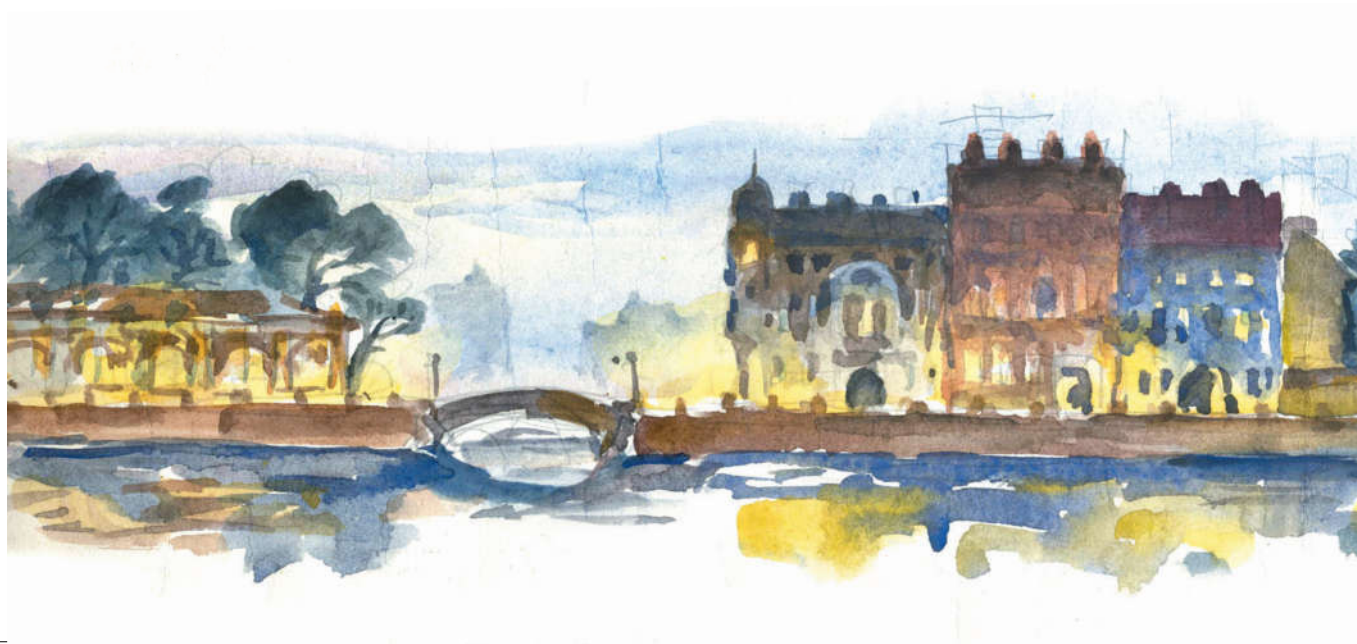

В суете, в круговерти,
В суматохе разлук
Я подумал о смерти
Неожиданно, вдруг.

И как будто очнулся,
И качнулся перрон,
И вокзал пошатнулся,
И отчалил вагон.

Я исчезну во мраке
Беспросветной ночи.
Не залают собаки,
И луна промолчит.

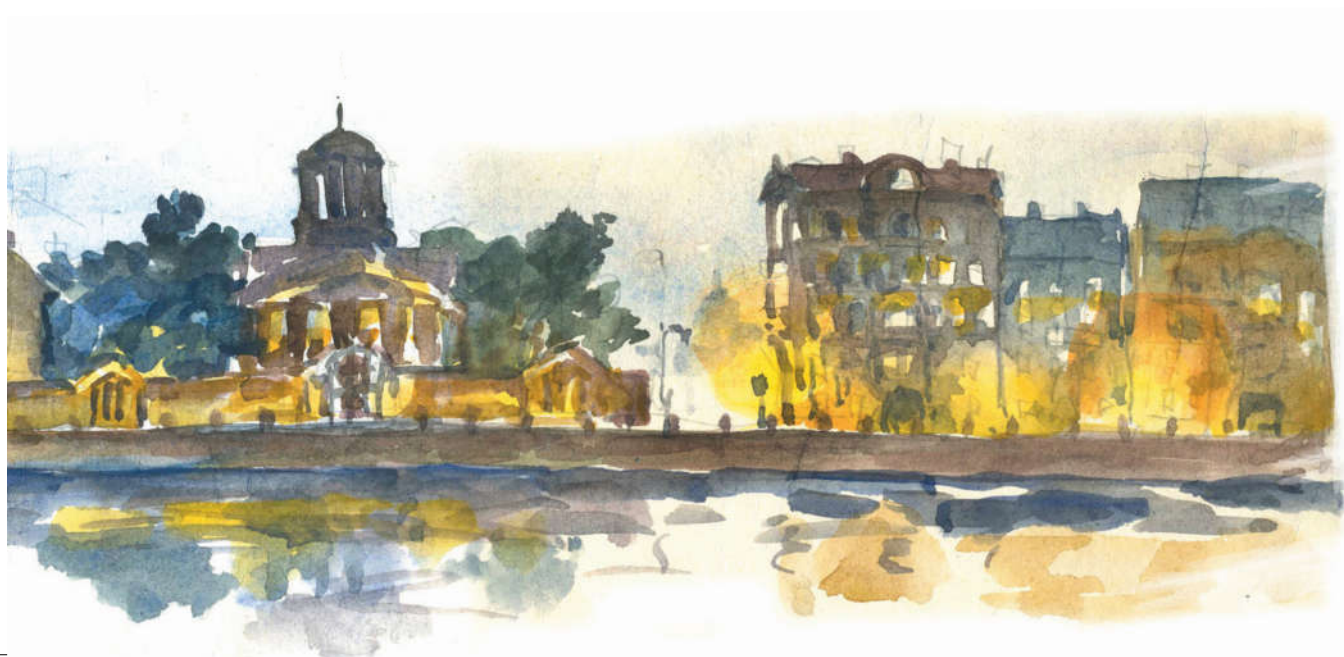
В мельтешенье столичном,
В ритмах сумрачных дня
Жизнь пойдёт как обычно,
Разве что – без меня.

Но не сгинут – хоть тресни,
Хороши ли, плохи,
Непутёвые песни,
Путевые стихи.

Да, плутала дорога
В суете и грехах,
Только всё же от Бога
Слово в наших стихах.

Он рассудит бесстрастно
Мир больной и большой,
Ведь унынье не властно
Над бессмертной душой.

Пишу, пишу – а толку?
Заклятье над страной.
Даётся легче волку
Общение с луной.

Какая тишь в округе!
Струится лунный свет.
И недруги, и друзья
Давно сошли на нет.

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристаней дрожат.

Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём.

Живём по человеческим законам
И Богу, и природе вопреки.
На исповедь приходим с телефоном,
Просматривая важные звонки.

Наш путь лежит во тьме. По бездорожью
Бредём на ощупь. Судим невпопад.
Душа закрыта перед Словом Божьим,
Но слава Богу – стали чтить обряд.

И вещей слов пока не понимая,
Перебирая чётки не спеша,
Словам молитв неведомых внимая,
Оттаивает сонная душа.

С ЯРМАРКИ

Еду с ярмарки домой.
Утро. Иней серебрится.
След, оставленный луной,
В небе сумрачном дымится.

Встанет солнце. А пока
Спит небесное светило.
Кучевые облака
Надо мной плывут уныло.

Скоро в гулкой вышине
Звёзд ночных растают льдинки.
В предрассветной тишине
Слышно, как звенят снежинки.

На ладонях тают и
Каплей падают на травы.
Две глубоких колеи,
Буераки да канавы,

Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи.
Голь да удаль. Нищета.
Всё как прежде – даже хуже.

Хищно щерится овраг,
Здесь не встретишь человека,
Здесь – ни кошек, ни собак,
Вот и все итоги века.

До листка обобран лес,
Вороньё – и то пропало.
Вот и всё. И весь прогресс –
Все концы и все начала.

Едем молча. Не спеша.
Мимо были. Мимо сказки.
И тревожится душа
В ожидании развязки.

ДОЖДИ

I

Одолели ироды, иуды,
Обложили с ног до головы.
Взять бы да уехать на Бермуды,
Всё одно – подальше от Москвы.

Всё одно – подальше от столицы,
От измен. От пьянства. От страстей.
От кувшинных рыл Замоскворечья,
От вранья тускнеющих вождей.

И терпеть уродов нету мочи –
Закружили в гнусном вираже,
Довели до ручки – даже в Сочи
Мне теперь не хочется уже.

Да и то сказать – и там дождливо,
Весь сентябрь промозглый от дождей,
Отчего же стало так тоскливо
На бескрайней Родине моей?

В этом вихре сумрачном и пошлом
Красота давно сошла на нет,
Радости – ни в будущем, ни в прошлом,
Да и там ли ищем мы ответ?

Всё у нас едино – быль и небыль.
Не хотели. Да и не смогли.
Что теперь? Куда теперь до неба?
Не слететь бы с матушки-земли.

II

Н е п о г о д а. Во всём – непогода.
Во Вселенной. В пространстве квартир.
Непомерно устала природа
От людей, населяющих мир.

Может, в эту последнюю осень
Хочет мирно планета пожить –
Человечество, если не сбросить,
То хотя б на обочину смыть.

Давно не пахнет русским духом –
Проветрено насквозь.
Но будь уверен – где-то ухнет
Могучее «Авось».
Взовьются зорние метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи.
– Ужо мне попадётся, суки! –
А сук и след простыл...
Совсем не то, видать, у щуки,
Сердешный, попросил.

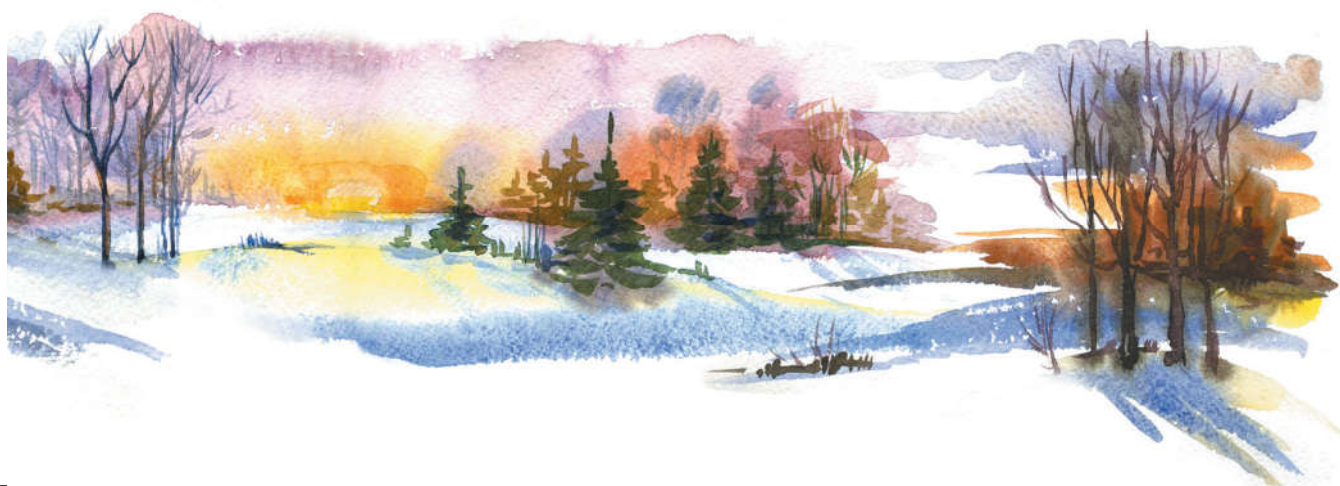
В жизни всё идёт по плану:
Поздно ляжешь, встанешь рано,
На работу и домой,
В баню утром в выходной...

Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это – жизнь.

Дни летят неотвратимо.
Что-то в цель, но чаще – мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.

Лошадей неспешный бег –
Выпал снег.
В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.

Утром чувствуешь усталость.
Сколько там ещё осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница.
Едем дальше не спеша...
А душа?

МОЖЖЕВЕЛОВАЯ РОЩА

Не выходит всё же жить попроще,
Но на день – отрину бытиё.
Здравствуй, можжевеловая роща,
Светлое пристанище моё.

Высоки над Ладогой закаты.
Чайки полыхают на лету,
И стоят деревья, как солдаты,
Охраняя эту красоту.

Птицы беспокойные умолкли,
Я иду легко, травы не мну,
Глажу изумрудные иголки
И боюсь нарушить тишину.

Вечер как дождём промыт, прозрачен,
Профильтрован он сквозь изумруд.
Но смотрю – под будущие дачи
Колышки забиты там и тут.

Завтра здесь нагромождают заборы,
Вот уже проведена межа:
Делят Богом данные просторы,
Режут мою рощу без ножа.

Дом воткнут. Насадыт огороды,
Сотворят казарменный уют –
И творенье дивное природы
За полгода насмерть изведут.

И погаснут дивные закаты,
И охватит мир глухая мгла,
И согнутся стройные солдаты,
Проржавев, осыплется игла...

Красота спасёт – чего уж проще...
Но молю, чтоб милосердный Бог
Эту можжевелевую рощу
От людей безумных уберёг.

Избавленный от мелочных забот,
Он пребывал в безволии и неге.
Стоял июль. А он мечтал о снеге
И о сугробах вьюжных у ворот.

Под сенью сосен плавилась жара.
Густели небеса остекленело.
Он жарко баню истопил с утра
И парился, покуда не стемнело.

Уголья тускло плавились в ночи,
Томясь, как переполненные соты,
И было слышно в сумрачной ночи,
Как пролетают в небе самолёты.

Чуть слышен гул – и вот пропал уже,
И лишь сомненье смутное осталось...
И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь ещё не начиналась.

В саду умишного фотомана
и непереводного писателя

И жено судовник мидель
и судовой отряд истре

Земляно село воямал
и в село пашинское

Душман душман

Душман душман

Душман душман

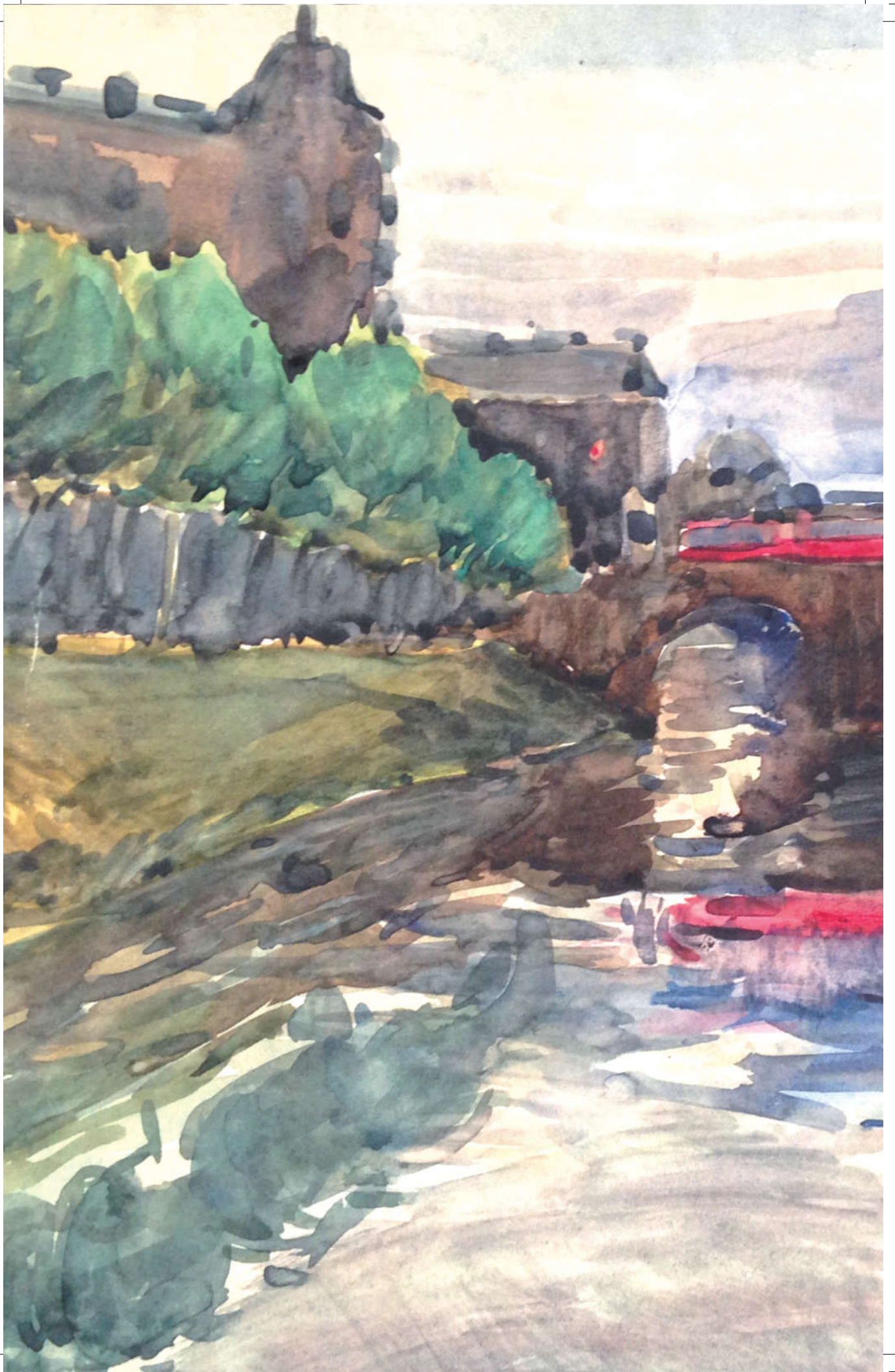
А все там же мидель устроил
судовник мидель устроил
и воямал мидель устроил
и воямал мидель устроил

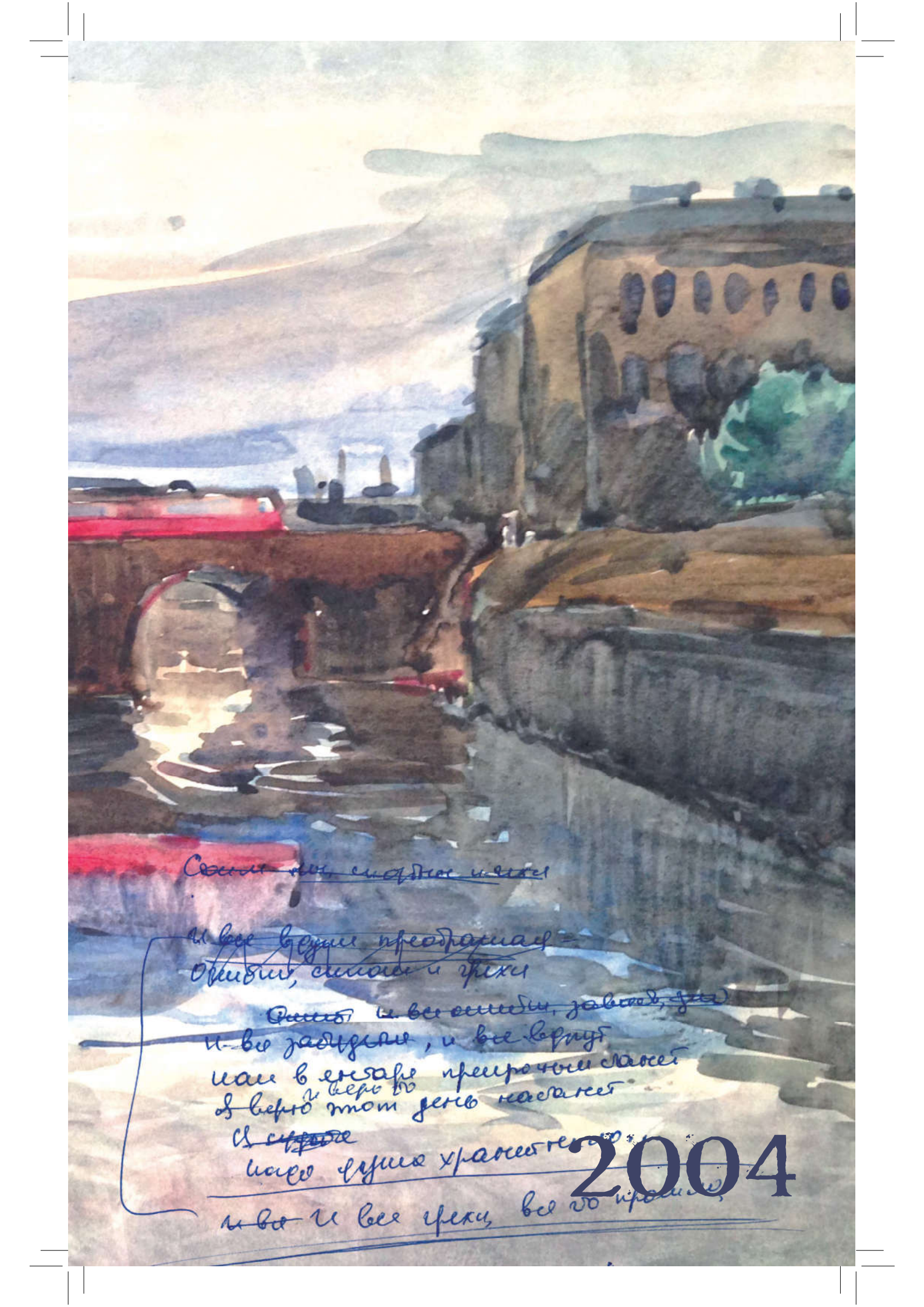
И воямал мидель устроил
и воямал мидель устроил

И воямал мидель устроил
и воямал мидель устроил

И воямал мидель устроил
и воямал мидель устроил

И воямал мидель устроил
и воямал мидель устроил

~~Свети мис, светите мисли~~

~~и все бреше предатна~~
~~Омиди, синаи и фехи~~

~~Данот и все синаи, забави, фехи~~
~~и во задържа, и все верну~~
~~нае в еснае преирочни касет~~
~~и веро ^{веро} тот ден касет~~
~~и синаи~~

~~нае синаи хранилени~~

~~и во и все фехи, ве во фехи~~

2004

Дни нашей жизни коротки.
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки,
А в небе – путь блистает млечный.

А в небе – полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде – волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звонящих морозных оков.

Лишь солнце пригреет – синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...

Но это – лишь завтра. А ныне
Промёрзшие клочья небес.
И стонет под ветром, и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

Зачем, скажи, нудя и мучась,
Опять меняя лик страны,
Мы требуем иную участь,
Иную жизнь, иные сны?

Зачем опять, подобно нищим,
Стоим с протянутой рукой,
Чего, скажи, мы снова ищем,
Надеясь обрести покой?

Весь век в лакейской у Европы,
Понурия голову, стоим,
Но нынче, видно, и в холопы
Навряд ли с ходу угодим.

Там пошустрей народец южный,
Порасторопней, понаглей.
А нам положен труд натужный
Во тьме заснеженных полей.

Опять не взяли. Слава Богу.
Давай, голубчик, запрягай,
И вновь проторенной дорогой
Спешь обратно в русский рай,

Где душу продувает ветер,
Где мрак и слёзы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.

Реклама.

Реклама.

Реклама.

А после – для чутких сердец,
Бразильская слёзная драма,
И триллер. И модный певец.

И новости. Скромно и мило
Ведущая зыркнет – и вот
Дебаты столичных дебилов
Затянут нас в водоворот.

То съезды, то думы, то Ельцин,
То бред, то словесный понос.
Извилины стали, как рельсы,
Вперёд полетел паровоз.

Мы снова счастливыми стали
И жизнь – и светла, и легка;
И манит нас в светлые дали
Призывное пенье гудка.

БЕССОННИЦА

Закончен день. Закончен век.
И воцарилась тьма.
С небес струится мягко снег
На сонные дома.

Какой покой и тишина.
Колеблет ветер хмарь,
Мерцает тусклая луна,
Как городской фонарь.

Не спится. В мареве ночном
Бессонницы туман.
И сон, и явь в дыму печном
Закружит свой обман.

Промчится вихрем перемен
Похмельный хоровод,
Опустошат ветра измен
Высокий небосвод.

Из бытия в небытиё,
Взорвав последний мост,
Летит сознание моё
Среди погасших звёзд.

НОВЫЙ ГОД НА ДАЧЕ

Январь. Зима на белом свете.
 Давно убрали со стола.
 Унёс во мрак колючий ветер
 Мои сомненья и дела.

В минуты редкие досуга
 Топлю камин и пью коньяк,
 А за окном январским вьюга
 Не успокоится никак.

Собака лает. Мёрзнут звёзды.
 Немая ночь и тут и там,
 Сосед приедет в гости поздно
 И сразу выпьет двести грамм.

Огонь шумит легко и споро:
 То заурчит, то заворчит.
 Предпочитаем разговорам
 Молчание в глухой ночи.

Зачем слова? И так всё ясно.
 Тепло. Светло. И жизнь прекрасна.
 Но жаль, что очень коротка,
 Как эта рюмка коньяка.

Мы стали с тобой далеки,
А жизнь убывает незримо,
Как воды осенней реки
Неспешно, но неотвратимо.

Растает в морозной тиши
Октябрьский сумрак ненастья,
Но вечная память души
Хранит впечатления счастья.

И пусть в немоте тишины
Приблизится сумрак развязки –
Реалью становятся сны
И былью – забытые сказки.

Меж нами – времён непогодь,
И ветер, и воды, и льдины,
Но души однажды Господь
Навек сочетал воедино.

А значит – ни страха, ни бед,
Ни боль, ни любовь, ни могила,
Никто, ни за что, никогда
Вовек разлучить нас не в силах.

Смурная вьюга злится,
Мрачнеет небосвод,
Разлука наша длится
Уже который год.

Зима во всей округе –
Ни лета, ни весны,
Позаметали вьюги
Немые наши сны.

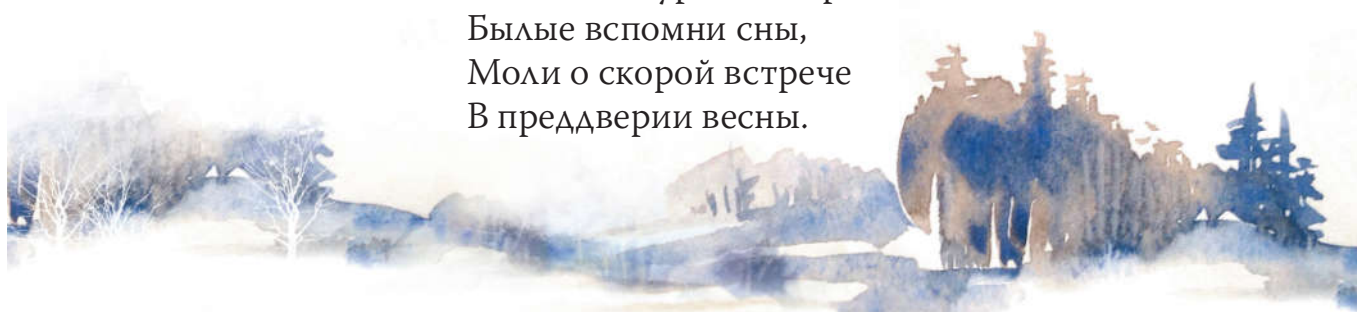
Но всё, что было с нами,
Пытаемся сберечь,
Соединяет память
Обрывки наших встреч.

Слова, события, взгляды,
Крик птицы. Всплеск волны,
Движение автострады,
Мерцание луны.

Смятение разговоров,
Смешение примет,
В заснеженных просторах
Звезды высокий свет.

Не требуй доли лучшей,
Бреди сквозь непогоду,
Уж раз такую участь
Определил Господь.

И в этот хмурый вечер
Былые вспомни сны,
Моли о скорой встрече
В преддверии весны.

ПОЕЗДКА

Забытые привычки
Я воскресить хочу,
На старой электричке
В деревню полечу.

Вхожу в мой поезд дачный,
Сметаю с лавки сор,
Вдыхаю дым табачный,
Вникаю в разговор.

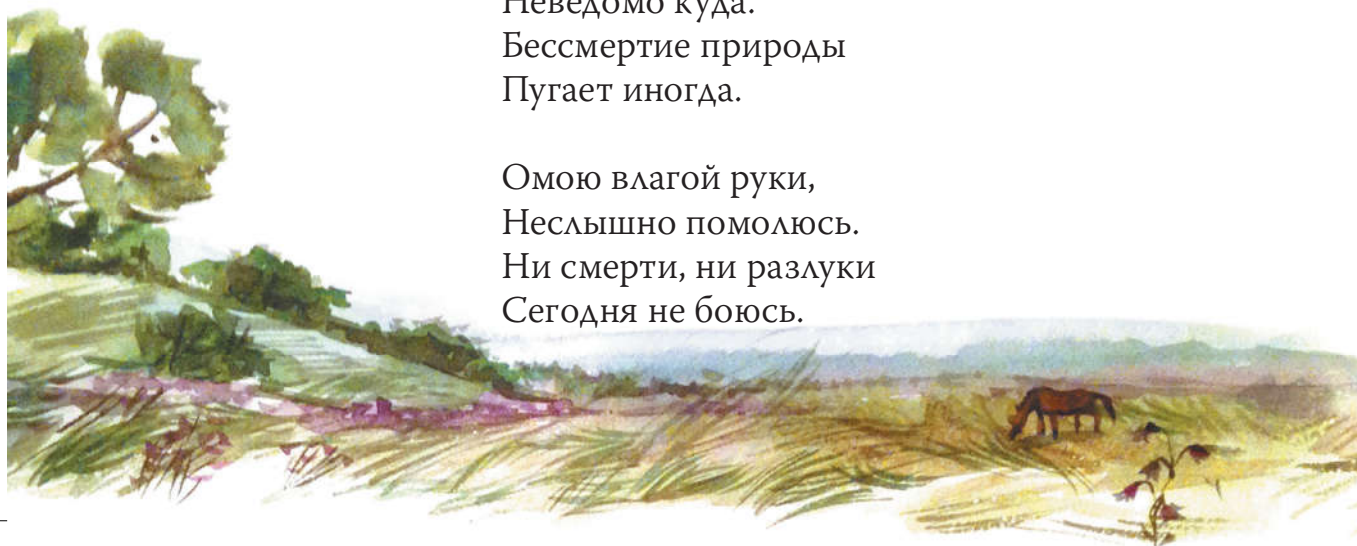
И ранний день весенний
Приветствует меня.
За окнами – сирени,
За окнами – поля.

Пейзаж знакомый, вечный,
Но кончена игра.
На станции конечной
Мне выходить пора.

И выведет тропинка
Меня к лесной реке,
И дрогнет паутинка
На тёплом ветерке.

Текут речные воды
Неведомо куда.
Бессмертие природы
Пугает иногда.

Омою влагой руки,
Неслышно помолюсь.
Ни смерти, ни разлуки
Сегодня не боюсь.

Пусть наша жизнь конечна,
Но долгий путь верша,
Я верю – будет вечно
Бессмертная душа.

Земли греховный житель
Во всём, как все – земной...
Спаси меня, Спаситель,
Не погнушайся мной.

Густеет мрак вселенский,
Но синь слепит глаза.
Над храмом деревенским
Отверсты небеса.

Стрижи летают низко
Над тихою водой
И слышно – где-то близко
Грохочет поезд мой.

День превратится в вечер.
Качает мой вагон.
Огни летят навстречу,
Дорога, лес, перрон...

Пусть смертью и могилой
Грозит земной итог.
Продли мне дни и силы,
Господь, ещё чуток.

Чтоб помнил я, счастливый,
Вновь обретя покой,
О чем шептали ивы
Над утренней рекой.

Заветное счастье украли,
Оставив чужую вину.
Наверное, мы проиграли
На первом этапе войну.

Застолие было обильно,
А нынче дошли до сумы.
Уже затуманились сильно
Смятенные наши умы.

Укрыться куда бы от беса,
От новых, неведомых пут,
Но орды стального прогресса
Армадою танковой прут.

Без страха, без злости, без воли
Сдаём города не спеша.
Уходит в глухое подполье
Со злом не смирившись, душа.

Услышана будет молитва,
Господь не отмеривал срок,
Ещё не окончена битва
И непредсказуем итог.

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега, неспешно летящего.
В серебристо-берёзовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели.
И сомненья тревожат – сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели.

И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа
И зажжётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Как смеялось и пелось
У беды на краю!
Всем, конечно, хотелось
Оказаться в раю.

Приводили примеры,
Подводили итог.
И без Бога и Веры
Громоздили чертог.

Пролетели мессии –
Ни покрышки, ни дна,
На просторах России
Замерла тишина.

Совесть глуше и тише,
И не видно ни зги –
Затуманились души,
Заржавели мозги...

Но мальчишка со свечкой
У иконы стоит,
Пусть пылает сердечко
И зовёт, и болит.

Не окончена битва,
И не дрогнет рука,
Только этой молитвой
Мы и живы пока.

Жизнь уходит понемногу.
День прошёл – и слава Богу,
Как вода. В реке.
Наши чувства, наши думы
Словно след волны угрюмой
На речном песке.

Грузим душу, чем попало.
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша?..

Молим Бога об удаче.
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье.
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!

С Богом и легко, и просто!
Лодка. Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою
И с тревогою немою
Мчатся облака.

Смирил Господь. Болею.
Лежу. Лекарства пью.
О прошлом не жалею.
Времён не тороплю.

Застыл замысловатый
Рисунок на стекле.
И дым печей косматый
Клубится в стылой мгле.

Последние морозы
Мои сковали сны.
Притихшие берёзы
Привычно ждут весны.

В преддверье нашей встречи
Метель смирит разбег.
И выпадет под вечер
Почти весенний снег.

Промозглый питерский февраль,
Плывёт в ночи луны фонарь,
То снег, то дождь. И непонятно,
Что на дворе. Шумит невнятно
Промозглый, мутный ветерок.
Всю жизнь привыкли между строк
Читать и думать сообразно.
И дни летят однообразно
В туманном мареве огней
И в царстве сумрачном теней
Постичь пытаемся итоги...
Метель кружится. И дороги
Покрыла слякотная грязь.
И олицетворяя связь
Меж небом и землёю – плавно,
Летит на землю снег исправно
И тает в лужах. Тишина
В пустынном мире. И луна
Плывёт над частоколом крыш.

Не зарекайся никогда –
Нежданною придёт беда,
Негаданно наступит срок
И время выполнять зарок.
И будет бесконечна ночь,
И ты не сможешь превозмочь
Слепозного разума испуг
И станешь беззащитен вдруг,
В сомненье скорбном дрогнет дух
И трижды прокричит петух.

Не пряча голову, как страус,
Гоню пустых познаний страсть –
Уверен – миром правит хаос,
А не мифическая власть.

Пусть кто-то, сидя на престоле,
Твердит, что надо чтить закон,
Но свищет ветер в чёрном поле,
Взметая пыль былых времён.

Покуда не настали сроки,
Молчит Всемиловитый Бог
И рано, видимо, пророки
Стремятся подвести итог.

Земля качнётся и лихие
Наступят дни. И грянет час,
И равнодушная стихия
В единый миг поглотит нас.

Застынут воды – тишь да гладь.
И будет Божья благодать.
И будет на волнах неметь
Луны торжественная медь.

ВЫБОРЫ

Праздник. Площадь. Балаганы.
Водка. Грязные стаканы.
И дешёвые закуски –
Человек гуляет русский.
Человеку много ль надо?
Песни. Танцы до упада.
Девки. Драки. Матюги –
Вот такие пироги...
Ну какой он безобразник,
Хулиган? Сегодня – праздник!
Радость нынче для народа
И – да здравствует свобода!
Море водки. Море пива.
Человек мычит, счастливо
К выбору без лишних слов
Он теперь почти готов,
Знает он, едрёна мать,
За кого голосовать!

В разногласии племён
Наш голос – глуше, тише.
Боюсь, уже не будет он
Потомками услышан.

Во мраке скорбный путь верша
Не узнаём друг друга,
И воля, разум и душа,
Как лебедь, рак и щука.

Молись, в преддверии конца,
Чтобы явилась милость –
Чтоб по велению Творца
Всё вновь соединилось.

Критиковать и обличать
Зачем? И то – живём неплохо.
Теперь в умении молчать
Угадывается эпоха.

Несокрушимых истин тлен
Заменит истину исканий,
Пусть мы давно попали в плен
Своих несбывшихся мечтаний.

Огнём беспамятства горим,
Над бедами чужими плачем.
Всё говорим и говорим,
А думаем – совсем иначе.

Теперь и я как все – молчу.
Пусть тяжела моя дорога.
Молитвы заново учу
И об одном прошу у Бога,

Чтоб в час, когда настигнет мгла,
Душа ослепнуть не смогла.

Вагончики. Сарайчики. Балки.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем в Ираке.

Мы миру продаём и нефть, и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну кто, скажи, подумает о нас
И от кого мы нынче ждём ответа?

Лежат снега. И в царствие тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение вод реки,
Что подо льдом течёт, изнемогая.

А вспомнишь – на память приходят не даты,
А то, что ты видел и слышал когда-то,
И как ни печально – но надо смириться –
Забудутся речи, события, лица...
И памятны только и будут – детали, –
Над крышами заиндевелившие дали,
Проспект – без парадного, летнего лоска.
Трамваи. Машины. Толпа у киоска.
Газета с итогами матчей в субботу.
Никто не спешит, не бежит на работу.
Цветы почернели в бетонных вазонах,
Толкутся вороны на белых газонах.
Когда это было – не всё ли равно.
Летят мои годы, как кадры в кино,
Скамейка. Кирпичный некрашенный дом.
И тополь зелёный в снегу голубом.

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

В эпохе мутной – лишний,
Но не переживай.
Уж раз тебе Всевышний
Открыл грядущий рай,

Вдыхая сумрак скверны,
Беги пустых похвал,
Покуда Милосердный
К ответу не призвал.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

Мир ночной погрузился во мрак,
Дождь по крышам неистово лупит,
Ветер воет за окнами так,
Словно утро уже не наступит.

Слишком поздно настала весна,
Бестолково кончается лето,
Ни надежды, ни света, ни сна,
Ни малейшего в небе просвета.

Утомлённые таинством тьмы,
Ждём с тревогой грядущих возмездий.
Хорошо бы дожить до зимы,
До снегов, до промёрзших созвездий.

Успокоятся мысли и сны
Под сиянием снежной луны.

Делили хлеб, делили кров,
Дарили дружбу, а не милость.
А нынче – горе, слёзы, кровь –
Ну почему так получилось?

Границы новые черти –
Не трудно начинать сначала,
Легли беспамятства пути –
Скажи, чего нам не хватало?

Во мраке нас вела любовь,
Душа печалилась, но – пела,
А нынче только дым да кровь –
Раздор последнего раздела.

Дея наследственный удел,
Сожгли мосты, снесли дороги,
И в суматохе праздных дел
Забыли о душе и Боге.

Но скорбный подводить итог
Уже не нам – а нашим детям,
Молись, чтоб милосердный Бог
Их сохранил на белом свете.

Похоже, слишком много знаю,
Но в ожиданье долгих зим
Особенно не выступаю,
Сообразуясь с веком сим.

Пройдут забвение и слава...
И что останется от нас?
Правдивым можно быть и правым,
Не выставляясь на показ.

Другие дни. Другие даты.
Иная Родина и речь.
Но в ожидании расплаты
Суметь бы душу уберечь.

Вострубят ангелы – пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовёт – как в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой.
Но в прошлом всё – вокзал, причал
И счастье, вперемежку с мұкой.

И полетит душа легка
Туда, где обитают души,
За грозовые облака
Вослед за лайнером воздушным.

Растает боль. Исчезнет страх
И груз земного притяженья
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье –

И на секунду оглянись –
Быть может, это всё приснилось –
И это небо, эта высь
Как бы нечаянная милость –

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Лето на излёте, на исходе,
Жёлтый лист и красный – тут и там,
Еду на последнем пароходе
По давно уже родным местам.

Ярче небо – но темнее воды,
Стал мудрей – не стало легче жить,
Дал Господь здоровья от природы –
Но реки уже не переплыть.

Но какая мне досталась осень!
Я не ощущаю рубежа.
Вьётся флаг на мачте – что есть мочи,
И волна кипящая свежа,

Растворились дали за излучкой,
Обретаю царственный покой,
И гудок последний – на разлуку –
Поплывёт над утренней рекой.

Ничего нет вечного в природе,
Пусть зима маячит вдалеке...
Еду на последнем пароходе
По осенней утренней реке.

Выпил рюмку. Покушал
На закуску груздей.
С аппетитом послушал
Речи мудрых вождей.

Так легко и понятно
Объяснили они,
Отчего, вероятно,
Ждут нас светлые дни.

Я поверил бы в это —
Кто ж не хочет пожить?
Но врачи мне до лета
Приказали не пить.

Разве рюмку. И только.
Трезв весь день напролёт.
Я не верю нисколько
В то, что счастье придёт.

Весны долгожданный приход –
Природы нежданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.

Промыт изумрудный кедрач
Звонящими ливнями мая,
Над мокрыми крышами дач
Потянется первая стая.

В отмеренный Господом срок
Душа встрепенётся несмело –
Как этот зелёный листок,
Как ветка черёмухи белой,

И радость охватит меня.
И что мне все ахи и охи –
Тревоги минувшего дня,
Сомненья грядущей эпохи.

Печали ушли навсегда,
Иду молодой и счастливый –
Какая большая вода,
Какие высокие ивы,

Плывут, не спеша, облака,
И в небо впадает река.

КОМАНДИРОВКА

По долгу службы третий день
Болтаюсь на природе,
Я здесь слоняюсь, словно тень,
В саду и в огороде,

Здесь весь июль залит дождём,
Застыла в лужах вечность,
И местный олигарх с вождём
За правду – водку хлещут.

Я с ними трети сутки пью,
Я их речам внимаю,
Я проклиная жизнь свою,
Я их не понимаю.

Гудит от пьянства голова,
Туманятся просторы,
Пустопорожние слова,
Тупые разговоры.

Какие нынче хмарь и мрак,
Совсем пропало лето,
И каждый сам себе дурак
В вопросах и ответах.

Я не уеду никуда –
Останусь дома,
Где светит поздняя звезда,
Где всё знакомо,

Мой край озёрный и речной
Угомонился,
И, остывая, дым печной
С туманом слился,

В деревне каждый дом уснул,
Никто не слышит,
Как дождь ночной слегка плеснул
По чёрным крышам,

Во мгле фундаментальных лип
Мелькнуло платье,
Уключин осторожный скрип,
Слова, обьятыя...

В сиянье лунном даль видна
Речной излучи,
И шепчет сонная волна
Слова разлучи.

Смотрю на даль осенних вод
На том причале,
Где мой последний пароход
Давно отчалил.

МЕТРО

Спускаюсь в подземное чрево,
Где в царстве полночных огней,
Направо поедешь – налево –
Но цели достигнешь своей,

Маршрут твоей жизни спрямился –
Бетонные стены вокруг –
Куда б ты теперь не стремился –
Всё будет по плану. Не вдруг.

Огней бесконечные чётки
Считает, сбиваясь, душа,
По линиям строгим и чётким
Маршрут бесконечный верша,

А может быть, к лучшему это?
Ни неба не надо, ни света.
Победно гудят поезда,
И солнце не слепит глаза.

В ОЖИДАНИИ РАЗВЯЗКИ

Лев АННИНСКИЙ

Беда не в дураках и не в дорогах.

Дмитрий Мизгулин

Без карамзинской шуточки сегодня, кажется, не обходится ни один уважающий себя автор. Полвека назад было иначе: за такую шуточку могли и на ковёр вызвать, ибо ковёр был олицетворением дороги в светлое будущее, а если иные дураки этого не понимали, то пеняли на себя. Теперь всё можно, так что дураки по дорогам бодро пошли в ход.

Однако в мизгулинском варианте что-то останавливает вас, скребёт, что ли... ну, конечно: дважды повторенное отрицание «НЕ».

Да и с чего бы ему утверждаться? Какие «дороги» светили ему, родившемуся на краю Северного океана, в Мурманске, откуда если и звали пути, то водные? Да он и учился опять же на краю океана, только другого, – если считать частью океана Финский залив, а то и Маркизову лужу, и помнить, что Питер озаменовал когда-то выход России к океану, не меньше.

Так что уместнее лирическому герою шлёпать по этим трассам плечами пароходными, чем пылить подмётками пешеходными; стартовый пункт тут – не станция с коновязью, а причал, от которого зовёт вдаль «реки крылатая стремнина». Дорогу, завещанную нам знаменитым русским путешественником, у Мизгулина покрывает «слякотная грязь», что до некоторой степени понятно в контексте Ханты-Мансийской округи, где поэт обрёл поле деятельности и откуда разнеслась по России его литературная известность: по тайге не побегаешь, приходится брести.

Да и зачем?..

«Зачем, куда бредём из века в век, то дураков кляня, то бездорожье?»

С дураками у Мизгулина не легче, вернее не проще, чем с дорогами: разум на Руси либо спит, либо испуган, и это навсегда. А если куда-то тянет этот рак, то не туда, куда лебедь (душа) и щука (воля). Так что доверять надо не разуму, а душе. И это просто, как просты матюги избирателей, дерущихся у пивного павильона в праздник выборов, или глубокомысленности олигарха и вождя, хлещущих водку и режущих правду-матку: в этой беседе каждый сам себе дурак.

Интереснее и сложнее амплуа дурака в глубинах народного сознания, откуда и извлекает Мизгулин следующий замечательный сюжет:

Взовьются зорние метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи:
– Ужо мне попадётся, суки!
А сук и след простыл...
Совсем не то, видать, у щуки
Сердешный попросил.

Вот было бы просто, если б суки оставались на месте... как, видимо, и печь.

Интересно, что Мизгулин вовсе не пересказывает нам сказку с мыслью научить (или отучить) жить по щучьему веленью; сказка лишь поблёскивает в контексте стиха, и это уже рука мастера: выросший в мареве легенд и лозунгов лирический герой остаётся в этом мареве навсегда, но вспоминает без всякого благоговенья, а так, что не сразу сообразишь, как... Впрочем, сообразишь, если вырос в том же тумане:

«Хватало и зрелищ, и хлеба, и счастье – полной рекой. Всё было прекрасно – до неба уже доставали рукой...»

Узнали вопль древнеримской толпы? А что этот вопль переброшен в одну, отдельно взятую штурмовавшую небо страну, – уловили?

Вот салют ещё одному герою, пробуждающемуся в нашей памяти:

«Куда бы жизнь нас дальше ни вела, доказываем те же теоремы – кого-то ждут великие дела, а остальных – великие проблемы...»

Сен-Симону такие проблемы не снились?

Сейчас будет ещё один подхват:

«Ну, чем не угодил нам отчий дом? Но вновь простые истины отринув, до основания рушим. А потом – закончим жизнь в дымящихся руинах».

А затем?..

Ещё один пробуждающий память мотив: «Песня о Встречном»:

«Мы снова счастливыми стали, а жизнь и светла, и легка, и манит нас в светлые дали призывное пенье гудка».

Нас? В светлые дали? И горючего хватит? И дорога видна?

Капля тонкого яда добавлена в двигатель: гудит призывно и тревожно «Тойоты» пламенный мотор.

И ведь не просто гудит эта нынешняя «Тойота», а царапает слух и душу – вроде бы незаметно, но неотступно, и так, словно за каждым громким «да» таится упрямое «нет».

Это «нет» незаметно кровавит душу:
Можно жизни радоваться. Можно.
Нефть и водка – полною рекой...
Только зазвенит душа тревожно
Неизбывной русской тоской.
Онемеют небеса и реки,

Опадёт осенняя листва,
О последнем русском человеке
Повторяя скорбные слова.
И никто не будет больше слушать,
Как порой прекрасной, золотой
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Исаковскому такое тоже бы не привиделось... В ожидании развязки окрашиваются свинцовыми обертонами традиционные

светлые мотивы. Надо радоваться весне? В принципе – надо: яблоки, груши... Да вот только согреется ли заиндевшая душа после долгого полярного сна? Или, не очнувшись, проспит весну?

Может, летом отогреется?

«Только после весёлого лета неизбежно придёт непогода».

В лирическом пейзаже Мизгулина естественна именно непогода. Стих звенит на студёном ветру. На причале – мороза стальная печать. Ветер, мрак, слёзы. Тьма заснеженных полей. Промёрзшие клочья небес. Воды, скованные чёрными льдами. «Какая там оттепель!» – думает дитя исторической «Оттепели»:

«Уже скорее бы зима. А то – ни то ни сё. Развеется ночная мгла, снег выпадет – и всё. И всё – как будто в первый раз. И всё – как чистый лист. Светлеет облаков окрас, чуть слышен гомон птиц, погаснет поздняя звезда, растает лунный след, и полетит душа туда, куда дороги нет».

Всё это вполне укладывается в таёжно-бездорожный пейзаж, из которого закалённый стих не ищет выхода. Но потаённое «нет» звучит и из-под этого вечного пейзажа, в котором легче прожить на русское «авось» или пересидеть на печи с Емелей. Да вы вслушайтесь:

Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи,
Голь да удаль. Нищета,
Всё как прежде – даже хуже.

Почему хуже?! У вечности разве бывает лучше или хуже?

А если бывает? Не звучит ли в этом «хуже» потаённое «лучше», в которое душа отважилась было поверить, да не обманулась ли?

Тут уж мизгулинскую лирику я склонен вывести не из северных широт и океанических долгот, а из координат доставшейся ему эпохи. То есть из судьбы его поколения. Как-никак, а стукнуло этим детям позднего социализма уже лет по пятьдесят – самое время обернуться.

Он родился в исторический момент, когда диктатора-генералиссимуса решились наконец вынести ногами вперёд из мавзолея и предать земле. Тоталитарная эпоха кончилась, наступила очередная «Оттепель» (вторая, как подсчитали историки). Пришло время «шестидесятников».

Это время кончилось с разгромом Пражской Весны, но по малости лет дети второй «Оттепели» (Весны) этого конца не заметили, как не заметили, наверное, и самой «Оттепели». К размышлениям о ней они подросли уже в 70-е годы, когда ослабевший режим предоставил им возможность то ли салютовать столетию Ильича, то ли рассказывать про него анекдоты. Десять лет качалась страна, выбирая дорогу, но наступили «лихие 90-е», и именно к их началу, то есть к краху одряхлевшей системы, поспело мизгулинское поколение, перед которым умники Перестройки распахнули новые неслыханные пути.

Мизгулину довелось пережить и описать этот перелом. Он, можно сказать, на нём вырос как поэт и гражданин.

«Перестройка. Перековка. Как бы переподготовка к лучшей жизни или на... Думали, что передышка, а на самом деле – крышка, амба. Кончилась страна».

Кончилась. Нет той страны, что была. Есть иная. Какая? Говорим одно, думаем другое, а больше помалкиваем. Слушаем речи мудрых вождей, свист набежавших колдунов, дебаты столичных дебилов, советы слепых поводырей, предсказания глухонемых пророков...

А мы что? А «нам на это наплевать. Выпьем водки – и в кровать. Будем спать.

И видеть сны о Величии страны...»

Комментировать эту публицистику? Я не испытываю желания. Потому что в этом духе пишут сейчас все публицисты так называемого «правого» лагеря. Имеют право. И резоны имеют. И яркие тексты выдают.

И в поэтической публицистике Мизгулина есть сильные строки, подкупающие откровенностью, поражающие эмоциональной точностью.

Приведу пример.

«Весь век в лакейской у Европы, понуря голову, стоим. Но нынче, видно, и в холопы навряд ли с ходу угодим. Там пошустрей народец, южный, порасторопней, понаглей. А нам заказан труд натужный во тьме заснеженных полей.

Опять не взяли. Слава Богу! Давай, голубчик, запрягай, и вновь проверенной дорогой спеши обратно в русский рай, где душу продувает ветер, где мрак и слёзы без конца, в дом, где молитву шепчут дети за возвращение отца».

Рискну сказать, что в первых двух четверостишиях подкупает откровенность, но стихи небезупречны (слово «заказан» невнятно: то ли труд «запретен», то ли «заповедан»), А вот молитва детей – взлёт поэтической силы: здесь чувствуется и общий порыв (извините и мне невнятное слово, «порыв» – это ещё и место, где рвётся). Вечно пропадающее отцы – это откровение поэзии. И откровение нашей истории.

Так я о той стране, что возникает у Мизгулина на месте рухнувшей сверхдержавы. Разве такое мыслилось при повороте к свободе, к рынку, к удаче предпринимательства? Что в итоге? Элитные дома. Колышки для будущих дворцов-коттеджей на святых землях. Иномарки торгашей. Сигары, кофьяки, запах успеха. Мизгулин метит без промаха в эти приметы торгашеского века.

Тогда я спрашиваю: а что тогда занесло его учиться в Финансово-экономический институт?

Отвечаю: драма личного выбора, которая даёт поэзии неизмеримо больше, чем поворот «всё вдруг», хорошо известный мореходам и вождям масс. Занесло, видать, общим поветрием, когда новое поколение ринулось вкладывать силы в новые возможности.

Пока послевоенные сироты сводили счёты с Державой, от её призывов прячась в сторожа и дворники и пиная власть из бойлерных, – их меньшие братья, которым ранее предлагалось стать космонавтами, теперь переквалифицировались в финансисты.

И мнилось, что это новое поколение вытянет страну из полураспада, обновит её облик и войдёт в новый век под

знамёнами частной собственности, буржуазной добропорядочности и логики конкурентного успеха (падающего толкни).

Но что-то не получается. Не выдерживает наш человек этой безжалостной установки. Откуда я это знаю? Да из Мизгулина. Не вытанцовываются у поколения «вкладчиков» эти танцы. Ожидание расплаты мешает.

Хотя Мизгулин осторожен в предсказаниях. Врезал мифическим мудрым вождям, а в другом месте заметил, что миром правит не «мифическая власть», а хаос. Может, это и полегче. По-человечески.

А выход из хаоса – возможен? Непонятно. Ибо быть и не-быть неразличимы.

Может, Господь-Бог поможет? В стране обезглавленных церквей всё может быть. Бог нам участь определил – Бог и выручит. Он нас не оставит. Надо верить – душа и отогреется. Надо выучить молитвы – небыль станет былью. Надо чтить обряд – смысл откроется. Господь терпелив.

Вообще-то главный, всеразрешающий образ поэзии Мизгулина – душа. Но и для Бога место сбережено в хаосе:

И пусть кружат во мгле миры и меры,
В крошечном мраке исчезает путь,
Держись поближе православной веры,
А там Господь подхватит как-нибудь.

А если не подхватит? А если в самом человечестве, независимо от Бога, таится обречённость? В силу естественных причин. В силу природной дикости, звериной сущности. Или если – ещё хуже – эта природная сущность подменяется не поймёшь чем. Природа до поры до времени молчит – «равнодушная природа». Но уже подустала она, природа, от людей, населяющих мир. Что будет дальше?

«Может, в эту последнюю осень хочет мирно планета пожить, человечество – если не сбросить, то хотя б на обочину смыть».

Перспектива, вполне укладывающаяся в естественнонаучные прогнозы безбожного века. Видать, советская власть не просто отменила в школах Закон Божий, но дала вместо него ученикам такой заряд общегуманистического законознания, который вполне обходится без Благодати.

Мизгулин в этих леденящих эмпиреях не удерживается, он возвращается к Божьему Лику. К родному месту на этой планете. То есть к России, по которой болит душа.

Душа – вмещающая и молитву, и обряд, и память, и ожидание расплаты за беспамятство, и грехи, и казня...

Кто виноват?

Ну, мы видели: охмурители, набегающие то с парада, то с заднего хода.

Да ведь они и сбегают первыми – эти «суки», как сказал бы печеход Емеля, эти «крысы», как сказал бы мореход.

Мореход сказал:

«Давно сбежали крысы, а мы ещё плывём».

Кто «мы»? – вот вопрос. Без сук, без крыс, без незваных поводырей – не мы ли сидим на печи и ждём щучьего веленья, не мы ли плывём с мозгами, набитыми привозной трухой?

«Мы обрели космическую славу, узрели Марс, слетали на Луну. Но начисто забыли про державу, осиротели, потеряв страну..

У нас в мозгах – то карнавал, то – саммит, не ведаем – где друг, где лютый враг... Пусть виноват весь мир. Но мы-то сами, но мы-то с вами – люди или как?»

Карнавалы и саммиты оставим господам, у которых в зубах сигары и в мозгах коньяк, но мы-то с вами, мы, люди – чего стоим, чего достойны?

Вот тут-то и подстерегает лирического героя самый проклятый русский вопрос: о блаженном нашем предательстве.

Ни у кого в новой русской поэзии я не ощущал такой остроты в переживании этой темы.

«Одолели ироды, иуды».

Готовность вывернуться наизнанку подстерегает всеотзывчивую русскую душу, не стиснутую ни внешними, ни внутрен-

ними границами, братающуюся со всем миром и уверенную, что именно этого ждёт от неё весь мир. Непредсказуемость – естественное состояние мира. Непредсказуемость – наш излюбленный козырь. Ветры перемен опустошают небосвод. Готовность к перемене фронта очищает совесть и опустошает душу.

«Не все предатели – но всё же; измена здесь, измена тут...»

Лейтмотив! То ли тебе дно, то ли покрывка. То ли пан, то ли пропал.

То ли своё, то ли чужое. То ли мы спёрли, то ли у нас спёрли. То ли бытие, то ли небытие. То ли чудо, то ли беда.

«Живу предвкушением чуда, застыв у беды на краю. А рядом – заклятый Иуда готовит измену свою».

Какой развязкой может кончиться такое пребывание на грани? Возмездием. Окончательным и бесповоротным? Нет, горше: нескончаемым ожиданием возмездия. Или – возмездий, от которых не уйти. Предчувствием беды. Или бед, которым не будет конца.

Вот от этого «слёзно голосит» душа, без упоминания которой нет, кажется, у Мизгулина ни одного стихотворения. То жмётся душа... где? – в тесной и тихой квартире, то ищет дорогу... где? – в непролазной тайге То зовёт Бога, то камнеет, разлучённая с Богом. И замирает в ожидании развязки.

Живут, в иные веря сроки,
Своей не ведая судьбы,
Жестоковыйные пророки,
Жестокосердные рабы.
И скудоумные витии
Опять предсказывают путь
Для нашей матушки России –
Куда-нибудь и как-нибудь...
Пусть кружит бес по бездорожью –
Найди свой храм, развеи свой страх...
А в каждом храме – Матерь Божья
С младенцем Вечным на руках.

Завершается картина страны и мира. Сейчас появится у Мизгулина рядом со словом «душа» ещё одно всеразрешающее слово:

«Сердечко».

Горит сердечко у младенца, горит сердечко у мальчика, который стоит со свечкой у скорбной иконы. Пылает сердечко, болит, зовёт.

Поколение, прошедшее искус братоубийственной конкуренции, ищет, кому передать страну. И верит, что расплата уже состоялась – по их счёту. И надеется, что образумятся в будущем родные народу лукавые дураки и обозначатся нужные отечеству внятные дороги.

ГЕОГРАФИЯ ДУШИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Сергей КОЗЛОВ

О Дмитрие Мизгулине можно сказать двояко: питерский поэт, югорский поэт. Но настоящая поэзия шире, чем региональная география, потому что в основе её лежит география души.

Стихи Дмитрия Мизгулина доступны и близки всем, что бывает характерно только при наличии народности поэта, помноженной на талант и сакральное отношение к Слову.

Народность поэта являет себя в том, что, не взирая на вселенскую одинокость, как души, так и личности поэта, он впитывает в себя боль и радость, поражения и гордость своего народа, своей Родины. И говорит об этом так, что строфы его становятся не только близкими и понятными каждому, но всякий может произнести их, как свои. Такой поэт наделён особым видением, что даётся от Бога и сродни пророческому, а прозрения его, облечённые в музыку слова, становятся достоянием читателей:

Смотри, из этого окна
Ему видна была Россия,
Была судьба её видна...

Я берусь утверждать, что вдохновение бывает не только лирическим, оно бывает и от хандры, и от сострадания; механизм его запуска метафизичен, а реализация – это всегда акт творения. Оттого и стихотворение. Период полураспада, болезни нашей Родины, приходящийся на бурные и одновременно печальные 90-е годы прошлого столетия, нашёл ёмкое и точное отражение в стихах Дмитрия Мизгулина. Сгустками боли такие стихи прорезают общую канву избранных стихот-

ворений, оттеняя лирику и философию, цементируя драматическую историю России XX века.

На Родине – как на вокзале –
Сумятица и суета,
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.

И кому из нас была не видна, непонятна, не знакома эта боль? При этом в слове «знакома» так и напрашивается сделать акцент на «знаке», «знаковости», ибо такой подход определяет, подчёркивает степень значения событий.

Россия пьёт запоем, тяжело,
Как женщина, с надрывом,
безнадёжно,
С протяжным плачем, будто бы назло,
И, кажется, спасенье невозможно.

Оттого и «Тесно стало на кладбищах русских». Так тесно, что:

Места для боли в душе не осталось.
Пламя пожара уже отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было – и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.

Но русский поэт не был бы русским поэтом, если бы не помнил, не знал, не отливал в гордое слово историю Руси, России и не верил в неё, как Тютчев. Примечательно, поучительно, своевременно, иронично и весьма оригинально продолжил строки великого русского поэта Дмитрий Мизгулин:

Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле...

Поэт верит в Россию, как верит в Бога. Иначе жизнь теряет смысл. Как верили наши предки, коим досталось никак не меньше лиха, чем нам, и они не раз поднимали многострадальную Родину из пепла.

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые...

Мизгулин не принимает нынешних кумиров, отметаёт весь внешний, как материальный, так и лезущий в душу народа сор. Ироничный наблюдатель, он предлагает читателю и такой способ веры в Россию:

Наладится жизнь понемножку.
Вернётся державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Ибо государство держится отнюдь не на тех, кто считает, что оно держится на них. Государство держится на тех, кто сеет разумное, доброе, вечное и на тех, кто сажает в любую политическую погоду картошку. Если сеют и сажают что-то не то, государство разваливается, в чём могли убедиться на практике (читай на собственной шкуре) жители великой державы. Державе, исходя из самой этимологии, нужно на чём-то держаться, и это не пресловутая тавтология, а необходимая аксиома. Но Мизгулин далёк от ура-патриотизма, способного закидать шапками ядерные ракеты врагов, мощь и комфорт импортных автомобилей или напирющий генофонд соседей. Поэт предупреждает:

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья,
Уйдём, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

И сам себе отвечает верой в данный нам от Бога великий и могучий:

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

Действительно, для умеющих слышать вся природа от Приморья до Северной Пальмиры говорит на русском языке. И он отвечает ей взаимностью в творениях мастеров слова, прикасающихся к ней в восторге созерцания, как к Вечности.

И ты, измученный сомненьем
Во мраке лживой суеты,
Застынешь в скорбном изумленье
От величавой простоты.

И если есть на свете вечность,
То выглядит она такой –
Сияющая бесконечность
Над бронзовеющей рекой.

Когда землю захлёстывают инфернальные волны, излучаемые и производимые осатаневшими средствами массовой информации, то противостоять им могут только голоса пророков... и голоса поэтов. Мизгулин знает, Кому принадлежит его голос, Кто дал ему владение словом.

Но не стигнут – хоть тресни,
Хороши ли, плохи,
Непутевые песни,
Путевые стихи.

Да, плутала дорога
В суете и грехах,
Только всё же от Бога
Слово в наших стихах.

Поэтому особое место среди россыпи мизгулинских рифм занимают глубоко проникновенные и созерцательные – православные. Мир, искусственно накачанный атеизмом, может и не слышать таких стихов, как не слышать голоса собственной совести. Что ж, слепые тоже не видят солнца, но большинство из них верят и знают, что оно есть. Священник Александр Ельчанинов писал: «начало духовной жизни – выход из своей субъективности, из самого себя, перерастание самого себя в общении с высшим началом, с Богом». Именно по этим стихам можно видеть, как поэт выходит из своей субъективности, перерастает самого себя, на фоне видимой и невидимой, но понятной каждому верующему человеку внутренней борьбы. Надо сказать, что стихотворная вязь этого направления работы души поэта подкреплена дневниковыми записями автора «Под покровом игуменьи горы Афонской». Они интересны богатым историческим материалом, сокровенными переживаниями паломника и живым языком. Недавно довелось читать воспоминания о посещении Афона писателя Валентина Распутина и художника

Саввы Ямщикова. Во всех трёх случаях я, как читатель, получил и отдых и полёт, а как верующий, я до слёз завидовал всем троим... Но, вместе с ними, прикасался к вековым святыням. Именно в такие мгновения каждый верующий помнит:

И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Красота и полёт русских храмов золотыми куполами в безбрежное небо поднимаются из стихов поэта. Они, как те самые свечи, что внутри них, зажжённые народом во Славу Божию. И тот, чьё сердце бьётся в единой гармонии с Нагорной проповедью, входя в храм, знает:

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как непрощённая вина.

Как тяжёлый груз грехов незримый.
В запасе – годы или дни?
Расплата ждёт неумолимо –
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идёт...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдёт...

У души своя география. Особенно у души поэта. И в общей географии поэтической России у Мизгулина есть своя река. А если верить названию одного из сборников поэта – две реки. Что ж, возвращаясь к географии земной, это могут быть, скажем, Иртыш и Нева, которые питают поэтический мир Дмитрия Мизгулина.

И всё же география души пишется на безбрежном русском небе. Низком и усталом на Югорском севере, тревожном и ветристом над Питером (с заметным сквознячком из Петрова окна), но глубоком, намоленном и вечном над Россией.

И полетит душа легка
Туда, где обитают души,
За грозовые облака...

Ибо

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

И вместе с Дмитрием Мизгулиным я повторяю:

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...
Крадущемуся зверю
Читаю «Отче наш».

Пусть я ещё не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещей слов.

И вообще: «Поэты не рождаются случайно, они летят на землю с высоты, их жизнь окружена глубокой тайной, хотя они открыты и просты...» – так у Игоря Талькова. Русский композитор Валерий Гаврилин говорил: «Отличить настоящее от подделки просто: перестаёшь чувствовать себя чужим, знаешь, что сосед справа чувствует то же, что и ты...» Так было со мной, когда я углубился в книги Мизгулина: я чувствовал то же, что и он. И мой простейший опрос, среди тех, кому я вручил книги Дмитрия, показал именно этот результат.

Любое искусство питается из двух начал: рационального и духовного (эмоционального), умение идти по тонкой грани между слиянием этих рек словом, звуком, кистью и есть величайшее достоинство художника. И, по слову того же Гаврилина, русский характер складывается из: «... святого отношения к жизни, из мудрости, из веселья, из лукавства, из зла, из борьбы с самим собою, из любви и из некоторых фантазий, которые переживает каждый русский человек». Всё это есть у Мизгулина, поэтому он понятен и близок самому широкому кругу читателей.

«СООБРАЗУЯСЬ С ВЕКОМ СИМ...»

Борис ЛУКИН

О творчестве поэта чаще всего принято говорить в отрыве от его жизненного пути. Есть в этом некоторая условность, искусственность, специальность. Какое творчество без особенностей личного становления? Я не о тех обыденностях, которыми сегодня заполнены глянцевые журналы, а о духовной составляющей жизни.

Раздумывать над творчеством Дмитрия Мизгулина я начал после встречи в Югре спустя десятилетие по окончании Литературного института в 1993-м поворотном для России году.

Оставляю другим возможность разбираться с разноплановостью в обширной любовной и гражданской лирике поэта, его историческо-философскими взглядами и общественной деятельностью, влиянием жизненных коллизий на появление той или иной темы в стихах, прозе, очерках или эссе. Мизгулин предоставляет для этого богатейший материал не только в интервью, но и активно участвуя в общероссийской литературной жизни.

Имея перед собой почти все его книги, в том числе «Избранные сочинения» («Художественная литература», 2006), я попытаюсь, в большей мере для себя, понять вектор его развития как поэта (извините за научность определения).

Сомневаюсь, что рассматривая творчество Дм. Мизгулина только по его 2-3 последним книгам, например «Новое небо» (М., 2008) и «Утренний ангел» (М., 2009)... моё впечатление оказалось бы столь цельным (даже учитывая, что автор частично перепечатывает старые стихи, правда, без указания дат написания). Только при чтении «Избранного» остаётся чувство пути поэта, которому в этом году исполнится пятьдесят.

Перед нами – состоявшийся поэт. За его плечами добрые три десятка творческих лет – не первые, конечно, но уже включённые в «Избранное» стихи, датированы 1979 годом.

Городской человек, выросший в последние годы советской власти, Мизгулин так и не смог преодолеть в творчестве урбанистические мотивы (не знаю, стремился ли он к этому, но год от года его пейзажная лирика занимает всё больший объём в книгах). Спросят меня – зачем их преодолевать? Совсем недавно такой вопрос задали мне на телевидение. На мой взгляд, развитие урбанистической ветви российской литературы зашло в тупик, особенно с момента расцвета постмодернизма и фэнтези. Более 500 лет городская жизнь душила литературу Европы, лишая её естественного для любого творческого процесса контакта с жизнью, отличной от самохотейной человеческой, отрывая от естественного окружения, созданного не человеком; почти 100 лет мегаполисы губят и русскую культуру. Круг тем, событий в городе настолько ограничен, что подходит только для писателей детективщиков, авторов мыльных опер или путеводителей, мало обращающих внимание на значение «дуба» в романе «Война и Мир», а интересующихся интерьером кафе, спален, фитнес-клубов, особняков, накрученностью тачек... далее по списку рекламодателей.

Кроме того, не подлежит сомнению, что поэт – одиночка по самой природе своего творчества, а, стало быть, и образа жизни. Город – вредная для него среда, трагически окрашивающая смерть многих талантов, в этом списке: Пушкин, Рубцов, Блок, Есенин, Маяковский, Цветаева, Аркадий Кутилов, Николай Дмитриев, Борис Рыжий, Денис Новиков и множество наших современников (читайте Антологию современной литературы России «Наше время»). Время в городе действует на писателя угнетающе; и лишь за его границами оно форматируется в вечность, позволяя поэту беззаветно отдаться своему служению, почти забывая – про диктат политического заказа, насилие публики, издателей и редакторов, удавку нищеты и т. д.

Развитие русской поэзии доказало: Поэт – всегда явление природы, явление над-человеческое, сверх-человеческое, хотя он и плоть от плоти людской.

Город поэта Мизгулина, а это один из красивейших городов мира – Питер, уже в ранних стихах отмечен отсутствием «неба

и звёзд» вовсе не по погоде. При такой «видимости», ни о каком лицеизрении Рождественской звезды и речи быть не может. (Кстати, не потому ли в Евангелии речь идёт о волхвах и пастухах, следующих за звездой?) Звезду невозможно увидеть – она заслонена человеческим «я».

Советские годы не сбили Мизгулина с жизненного пути, хотя его человеческое бытование протекает уже не только в Санкт-Петербурге, но и в Ханты-Мансийске, Москве и многих других городах мира.

Мизгулин не говорит прямо, что в городе Бога не видно (это у Лермонтова мы читаем «И в небесах я вижу Бога» в стихотворении 1837 года «Когда волнуется желтеющая нива...»), но почти сразу начинает понимать из-за чего не «видно». Он всеми силами пытается стереть (пусть простят мне вольность обращения) «случайные черты» (А. Блок) «чёрной воды» жизни, подсвеченной неоном, словно свечением глаз нечистого. Вот как это в стихах:

Вода в Неве – чернее сажи, А небо синее – без звёзд, Неона свет – бледнее слёз, Пролитых кем-то над пропажей.

«Пропажа» в стихах тех лет – одна из главных доминант. Он всё время помнит, что его народ «Горя хватил через край...// И во тьме непроглядной пропал». Поиск спасительной «пропажи» начинается с обретения «слуха» самим поэтом, с возвращения себе мира, созданного не человеком: «Слышишь этот шорох тихий?» Думаю, поэт знает, что в Библии Господь часто являлся праведникам в виде ветерка или тишины. Тем же содержанием наполнены и строки Пастернака: «Тишина, ты лучшее// Из всего, что слышал».

Следом приходит осознание величия жизни: «Жизнь не мною начатая где-то, Продолжает свой прекрасный бег». Это завуалированное указание «не мною начатая» – в дальнейшем будет названо – начатая Богом.

Позже он напишет, спасая, защищая своими стихами прошлое:

...Не всякий знал и в те года К Любви дорогу, Но каждый грешник был тогда Поближе к Богу.

Неосознаваемая для многих в те последние советские годы близость к Творцу, ощущалась в нашем поколении до дрожи, до слезы, как первая влюблённость, ищущая слова для выражения, высказанности.

Вторая половина восьмидесятых очень чётко обозначила начало воцерковления творческих людей. В стенах Литературного института, где многие из нас учились, начала выделяться группа писателей, не просто посещающих службы и постящихся, но определённо намеревающихся посвятить свою жизнь Церкви. Стали священниками поэты Константин Кравцов, Сергей Круглов, Фёдор Васильев и многие другие. Отсюда берёт свой исток моя многолетняя работа на псковщине над книгой о Крыпецком монастыре и поэма «Чернец», посвящённая не только святому Савве Крыпецкому, но и моему поколению – нашим метаниям, нашим поискам себя и обретению Веры.

Мизгулин в творчестве тех лет ищет, как и мы все, эту Веру.

И она первоначально постигается ещё по юношески, по братски – в чувствах к ближним: наивная вера в опору, в плечо, в мир («Кому-то в сотый раз поверив, Кого-то в сотый раз простив...» «...Я постепенно приближаюсь К порогу счастья своего...» Желание единения, взаимопонимания совсем скоро сменится у него пониманием зыбкости и тщеты проявления человеческой любви без Веры, без скрепа духовной составляющей.

Тут важно отметить, что поэт постоянно ведёт в себе и борьбу с инстинктом «наблюдателя» (столь модного в те годы в среде диссидентов), умного отрицателя с «фигой в кармане» – человека «всевидающего и всезнающего», но убедившего себя, что «и ни чём тут не поможешь» миру вокруг.

Жизнь, раскрываясь перед автором во всём трагизме: «Чем круче судьбы поворот, тем пояс затягивал туже...», не озлобляла его. Об этом уже в новом веке он напишет:

Ни разлук не боюсь. Ни измен, Сколько раз начинал с начала! В зыбком мареве перемен Только вера меня и спасала.

Первые выводы, закрепляются им на всю жизнь, как основополагающие. Появляются у него и герои (как в стихотворе-

ние «Внешних признаков волнения...»), которые не выдерживают внешнего ада и протестуют. Автор ищет варианты, как изменить мир, изменяя сознание окружающих. Понимание, что не только начинать надо с себя, но и – изменить можно только себя, придёт позже, и подкрепляется знанием – что не всё, данное человеку с пелёнок, он сможет использовать без проявления волевого усилия, без помощи Даровавшего. «Поэтами рождаются. Но не всегда становятся» – вывод, ставший ещё одной отправной точкой в развитие его личности и творчества. А кому как не поколению, рождённому в 60-е годы прошлого века, знать, как трудно не отречься от дарованного тебе таланта, не замызгать его в бытовых передрыгах перестроично-кровавых лет, волной которых смыло не один десяток прежде знаменитых и, казалось, состоявшихся имён. В тот же период начинают появляться в стихах Мизгулина слова из церковной лексики, а явления природы обретают первозданную глубину и смысл: «ветры... затянули псалмы», а не банально рычат, воют, обжигая, скулят или беснуются. Подобные открытия подкрепляются сожалением о «шуме деревьев, которые... так и не посадил...», шуме-шёпоте-памяти – Ведь память до тех пор жива, Покуда жив народ, Пока народная молва В людских сердцах живёт.

С думой о вечности, о памяти, их природе – поэт приходит не только к пониманию самоценности совершенного добра, но и такой странной для «цивилизованного человека» победы над собой в факте замеченного хорошего в другом (без зависти). Отсюда и формирование авторского убеждения – ответственности за неделанное (несовершенное) добро. Это понимание одновременно приходит ко многим в те годы, так же пишет и Николай Дмитриев, поэт старшего поколения. Начинается и ощущение себя как малой частички, щепотки земли, как шага в неведомое будущее, которое формируется из «лесов добрых дел» посаженных или не посаженных – именно тобой.

Может быть, от этого понимания и возникает у автора потребность окунуться в прошлое своей страны – историю её духовного

и культурного развития. «Там, где история Русской земли Преподавала уроки» Мизгулин пишет стихотворения: «Суворов», «В соборе св. Витта», «Памятник Петру», «Мойка, 12», «Исаакиевский собор», «Дом, где жил Тютчев» и т. д., и литературные заметки «Парадоксы Бердяева», «Политическая лирика Тютчева», «Предсказатель» о философе и литературном критике А. С. Хомякове...

Всё вместила моя душа Без остатка и без возврата, Чередуется не спеша Времена, события, даты...

Ключевыми при формировании творческой личности Дмитрия Мизгулина без сомнения становятся идеи, обнаруженные нами в эссе того периода. Из работы о Хомякове: «...развитие художества под знаком «западного» просвещения лишает творчество истинной свободы духа (которая, заметим, впоследствии была хитро подменена свободой формы)» или – «Художеству истинному, живому, свободно творящему, а не подражательному не было места...», и ещё – «Чужая стихия, «западническое» просвещение, захлестнула-таки всю нашу словесность, превратив её, как и предполагал Достоевский, в прессу». Продолжая мысль Тютчева, Мизгулин делает немаловажный вывод: «Опора России – в православии, той ветви христианства, суть которой наполнена духовно-исторической преемственностью с многовековой культурой, с одной стороны, и с обрядами язычества, тесно связанными с воззрениями славян на природу, с другой».

Столь вдумчивое общение с мыслителями прошлого помогают поэту понять, что даже в наш реалистический век: кому «служат демоны», того «крах неизбежен». Закономерно появление в стихах не вопросительной интонации, а скорее утвердительной: «В час, когда дремлет душа, // Возможно ль высокое чувство?»

Может именно для ответа на этот вопрос поэт посетил не только множество русских монастырей, но и Афон, о котором написал книгу очерков. Есть там поучительный рассказ о монахе Ниле, наказанном Богородицей слепотой за то, что «беспечно и бесстыдно коптил образ» Её, и прощённого толь-

ко после многодневной усердной молитвы перед иконой, называемой с тех пор «Скоропослушница».

«Сообразуясь с веком сим», не подстраиваясь, а обретя «охранную грамоту» Веры, поэт находит свою неторную тропу в литературу и к современнику, сострадая, сопереживая, стремясь помочь и подсказать направление основных усилий.

Душа, Вера, Бог... – очень часто мы чувствуем это триединство в печали, в болезни, так и поэт (стихотворение «В больнице»):

И вот очерчены уже Все устремленья и желанья, И смысл загадочный в душе Уже на грани пониманья.

И осязаема тщета Своим незримым постоянством И различимее черта Меж бренным миром и пространством.

Почувствовав, осознав безмерность Пространства по имени Бог, понимается и необходимость, предначертанность присутствия в «бренном мире» Поэта:

И, может быть, необходимо, Чтоб кто-то, про всё позабыв, Наигрывал неуловимый, Ещё не окрепший мотив,

Чтоб тайная музыка зрела, Отринув мятущийся страх...

Становится яснее ясного, что перечить судьбе (Богу) – думая о возможности искусственного пути (без Бога) для поэта, только от себялюбия, только от внешнего, от «тусклой луны» людей, которых «видит, как деревья» без «загадочного смысла», сохранённого, возможно, лишь «немыми письменами» на «тускнеющих плитах».

И ещё читаем:

...тихо музыка в стылой душе Прозвучит, как в покинутом зале... Остальное – не всё ли равно? Остальное не вижу, не слышу...

Опускаюсь на самое дно, Поднимаюсь всё выше и выше...

Используя различные образы и метафоры Мизгулин постоянно напоминает нам о главном: «...В ожидании расплаты// Суметь бы душу уберечь».

Как колокольный звон к заутрени, Мизгулин призывает вспомнить писателей о своей роли в мире, при этом не забывая откуда дар:

Пиши, пиши, писатель, Покуда хватит сил, Уж раз тебя Создатель Талантом наградил...

Бесовских игрищ зритель, Не забывай Христа, Уж раз тебе Спаситель Слова вложил в уста...

(Тут следует сказать о ещё одной поэтической переключке с Борисом Пастернаком. Вспомните: «Не спи, не спи, художник, // Не предавайся сну. // Ты – вечности заложник // У времени в плену...», переосмысление строк Пастернака показывает, насколько влияние «плена времени» – т. е. бытовой реальности – на Мизгулина, как поэта, сведено почти на нет).

В слиянии двух смыслов – высшего предназначения Поэта и божественного происхождения души – на первый план выдвинута задача сохранения не-собственно таланта, а бессмертной души – подкрепляющей, научающей слышать и говорить Слова.

Сохранять душу в любых жизненных ситуациях – даже под угрозой смерти.

В потоке мутном бытия, Во мгле полуденной мороки Не унывай, душа моя, Покуда не настали сроки.

Во всём, Господь, рука Твоя. Напрасно не ищи забвенья. Не унывай, душа моя, В путях спасенья.

Лети, сомнений не тая, Уняв напрасную тревогу, Не забывай, душа моя, Молиться Богу.

Этот духовный, творческий подъём, вы сможете ощутить при чтении и других стихотворений Дмитрия Мизгулина – давно уже узнаваемых не только мной, но и тысячами русскоязычных читателей российских и зарубежных журналов и альманахов.

Перечитайте: «Страдай, страдай, душа моя...», «На Родине – как на вокзале...», «Не дай-то Бог, случится...», «Надежда умерла, а мы живём...», «Какая осень! После бани...», «Нам всем конец? Не верю!...», «С зимой, похоже, всё в порядке...», «Погаснут светила в полуночный час...», «В разноголосии племён...», «Заветное счастье украли...», «Вагончики. Сарайчики. Балки...», «Похоже, слишком много знаю...», «Боже, как мы все устали...», «Вострубят ангелы – пора...»

Перечисление, надеюсь, правильно понято читателем, которому будет легче – сразу раскрыть книгу на нужной странице,

а потом – полюбив автора, читать всё от первой до последней строчки, заучивая, абсолютно непреднамеренно (я в этом уверен), хотя бы ещё вот эти строки:

...Я забуду времена и даты, Я читаю старые стихи... И летят куда-то мимо, мимо Попусту потраченные дни, И горят во тьме неугасимо Вечные вечерние огни, И лазурь такая с неба льётся, Что застыну, грешный, не дыша, И внезапно чутко встрепенётся До сих пор дремавшая душа...

Очень незаметно мы подошли к главному – к роли поэзии в жизни человека и всей цивилизации. Этакie глобальные вопросы философского порядка вроде бы и не стоят на повестке дня, заслонённые глобализацией в государственной и экономической сферах. Но постоянное напоминание писателям, что сегодня не время для стихов, что современный читатель не готов к высоким переживаниям и поднебесным чувствованиям, отвлекающим от шопинга, говорит, на мой взгляд, – о необходимости чуть ли не врачбно-поэтической терапии, начиная с младенческого возраста. Неприятие – не от непонимания поэзии, а от боязни пробуждения души: с душой-то, как и совестью, на многое смотрим иначе. А это – не только радость нового и полноценного восприятия бытия, но и естественная боль, как при родах или потери близких, – большинство в последние десятилетия считают неприемлемым. И чувствуется здесь некая политическая забота о ближнем, похлеще партийного контроля, – отрицая поэзию и вообще литературу (не беллетристику, конечно), продолжается борьба с остатками советскости в русском народе. Всё что любили советские люди – не должны любить строители новой капиталистической России. Логика, между прочим, железная, гарантирующая безопасное существование нового строя...

От многого уберегли бы мы себя, сберегая душу от забвения, пробуждая к полноценной жизни, не давая быту и суете загнать её в чёрный угол, из которого она всё равно вырвется на свободу – вырвется, как цунами или землетрясение, но в смертный час. Куда как лучше, если бы она естественным об-

разом, словно морской прилив наполняла человека, не давая ему погибнуть ни в этом веке, ни в том.

Дмитрий Мизгулин – человек православный, силами поэтического Слова докликивается до людей, понимая: Поэт – спасатель человечества на Земле, и эту ответственность на него возложил Господь навсегда.

[illegible]

БИОГРАФИЯ

*Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата...*

Дмитрий Мизгулин родился 10 сентября 1961 года в г. Мурманске.

Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им. А. Горького в 1993 году.

Секретарь правления Союза писателей России.

Председатель Правления Ханты-Мансийской писательской организации.

Почётный житель города Ханты-Мансийска.

Академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук.

Начиная с 1980 года публикуется в литературно-художественных журналах: «Звезда», «Литературный Азербайджан», «Нева», «Молодая гвардия», «Наш Современник», «Российский колокол», «Юность», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор более 30 книг стихов и прозы, в том числе «Петербургская вьюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный слух» (2002), «Две реки» (2004), «Ненастный день» (2011), «Чужие сны» (2013), сборника рассказов «Три встречи» (1993), литературных заметок «В зеркале минувшего» (1997), «Ночник» (2010), книжка для детей «Звёзд васильковое поле» (2002). Отдельными изданиями выходили книги на французском, английском, сербском, чешском, украинском, греческом, венгерском, болгарском, татарском, белорусском, немецком, эстонском, армянском, финском, китайском, азербайджанском языках и на иврите.

Лауреат многочисленных литературных всероссийских и международных премий и конкурсов, а также премии Правительства РФ в области культуры.

СТРОЧКИ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

*Чередуются не спеша
времена, события, даты...*

- 1980 первая публикация;
- 1984 окончил ленинградский финансово-экономический институт;
- 1992 книга стихов «Петербургская вьюга»;
- 1993 окончил Литературный институт им. А. М. Горького;
- 1993 сборник рассказов «Три встречи»;
- 1995 книга стихов «Зимняя дорога»;
- 1997 книга литературных заметок «В зеркале минувшего»;
- 2002 книга стихов для детей «Звёзд васильковое поле»;
- 2002 книга стихов «Скорбный слух»;
- 2003 книга стихов «О чём тревожилась душа»;
- 2004 книга стихов «Две реки»;
- 2004 лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка;
- 2005 книга стихов «География души»; 2005 лауреат премии «Петрополь»;
- 2006 «Избранные сочинения»;
- 2006 лауреат премии журнала «Наш Современник»;
- 2007 лауреат Всероссийской премии «Традиция»;
- 2007 лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы;
- 2007 книга стихов «Духов день»;
- 2008 книга стихов «Новое небо»;
- 2008 лауреат литературной премии им. Бориса Корнилова;
- 2008 дипломант Второго международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Толстого;
- 2008 лауреат премии журнала «Российский колокол»;
- 2008 дипломант Первого пражского международного литературного фестиваля;

- 2009 книга стихов «Утренний ангел»;
- 2009 книга стихов «Как будто жизнь ещё не начиналась...»;
- 2009 дипломант Второго пражского международного литературного фестиваля;
- 2010 книга публицистики «Ночник»;
- 2010 дипломант Седьмого международного поэтического конкурса «Золотое перо»;
- 2010 лауреат премии им. Анны Ахматовой журнала «Юность»;
- 2011 книга стихов «В зеркале изменчивой природы», фонд «Возрождение Тобольска»;
- 2011 книга стихов «Ненастный день»;
- 2011 лауреат Международной Лермонтовской премии;
- 2011 лауреат премии им. Дунина Горкавича фонда «Возрождение Тобольска»;
- 2011 лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» с вручением ордена «В. В. Маяковского»;
- 2012 лауреат литературной премии «Золотое Слово» газеты «Слово»;
- 2012 лауреат международного Санкт-Петербургского конкурса «Весна романса»;
- 2012 лауреат премии журнала «Нева»;
- 2012 лауреат фестиваля «Югорика — 2012»;
- 2012 книга стихов «Утренний ангел» в переводе Душко Паунковича признана лучшей на международном фестивале поэзии в Сербии;
- 2013 лауреат литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим»;
- 2013 лауреат Всероссийской литературной Премии «БЕЛУХА» им. Георгия Дмитриевича Гребенщикова;
- 2013 лауреат премии журнала «Молодая гвардия»;
- 2013 лауреат премии Правительства Российской Федерации (за просветительский проект в области литературы Альманах «День поэзии — XXI век»);

- 2013 Александр Семёнов стал лауреатом литературной премии УрФО за книгу «Всё вместила моя душа: концептосфера лирики Д. Мизгулина»;
- 2014 книга стихов «Чужие сны»;
- 2014 лауреат регионального конкурса «Книга года — 2014» в номинации «Лучшая художественная книга»;
- 2015 книга стихов «Доверяя душе»;
- 2015 лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Лескова «Очарованный странник» в номинации «Поэзия» за собрание произведений «Избранное» (одиннадцать поэтических тетрадей);
- 2015 лауреат Всероссийской премии им. Фёдора Конюхова в номинации «Благое дело»;
- 2015 лауреат Всероссийской литературной премии «Русский путь» им. Ф. И. Тютчева;
- 2016 книга публицистики «Ночник», 2-ое изд. дополненное;
- 2016 книга стихов «Избранные стихотворения 2004–2015».
- 2016 книга стихов «Лесное озеро», перевод на китайский;
- 2016 книга «Семейный архив»;
- 2016 лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура» за книгу «Деньги, банки, перо»;
- 2017 книга о творчестве Д. Мизгулина «Услышу голоса друзей» (2 тома);
- 2017 книга стихов «Избранные стихотворения» (1979–1994);
- 2017 книга стихов «Избранные стихотворения» (1995–2003, 2016–2017);
- 2018 книга стихов «Сожаление», переводы на иврит;
- 2018 книга стихов «Мгновенья встреч», переводы на армянский;
- 2018 27 июня в городе Варна (Болгария) в рамках 12-го международного фестиваля «Славянские объятия»

- состоялось вручение главной награды фестиваля «Летящее перо» Дмитрию Мизгулину – за поэтическое творчество и заслуги в деле культурного единения славянских народов;
- 2019 монография Евгения Каргаполова «Духовность в творчестве русского поэта Дмитрия Мизгулина».

~~Дань сел~~

Дане сел
Дане сел намен и проба
По проба ретко се постоји.

✧ ✧ ✧

* * * *Спроси?*
 Что происходит? Почему снова... *повтор*
~~мы встали в очередь?~~ *высший подорож*

~~Что произошло? Почему?~~
~~Устал, вы не, потому что это?~~
~~Устал • О чем говорите? Неужели~~
~~спрашиваете про фигуру?~~

Ученые считают, что это не просто игра, а способ выживания. В условиях нехватки пищи и воды животные используют все возможные ресурсы, чтобы выжить. Это может быть связано с тем, что в природе существует жесткая конкуренция за ресурсы. Животные, которые не могут найти пищу, могут погибнуть. Поэтому они используют все возможные способы, чтобы выжить. Это может быть связано с тем, что в природе существует жесткая конкуренция за ресурсы. Животные, которые не могут найти пищу, могут погибнуть. Поэтому они используют все возможные способы, чтобы выжить.

~~Умываю, вытираю~~
~~Пью вино.~~ ...
Кубок владык и кородей
Пью и не нам с нами добь?
нам же минадо отруина.

Пользу нам не нам с нами
Знаем... Нам с нами с нами
Знаем... Знать и продать
Знать и продать

~~Я француз. Я сириак~~
~~Я араб. Я сириак~~
~~Я француз. Я сириак~~
 + Можно же и поны и просить
 + ... нечто педупомно

Можно ли и почему?
Но работа некого невозможно
Безопасность евангели-
Евангелии?

Но работа
обильно гонимые евреями -
слабость сердца? Вспомните ли вы?
И 20 тысяч, обильно гонимые,
и 10 тысяч,

crab

Alfred, Alfred, Alfred

Минус

an

СОДЕРЖАНИЕ

1995

«Который год нас буря носит...».....	8
«Из ниоткуда в никуда...»	9
«С годами пишется трудней...»	10
«Лето настало. Сирень отцвела...»	11
«Нам всем необходимо постоянство...»	12

1996

«Жизнь моя – надежда и сомнение...».....	16
«Кружатся звёздные миры...»	17
«Стремишься истину найти...»	18

1998

«Живя в эпоху перемен...»	22
«Обиды забыв и наветы...»	24
«Мы хороших не ждём новостей...».....	25
«В церковь ходим и крестим лбы...»	26

1999

«В такие дни не хочется писать...»	30
«Гордились долго – чужь и водь...»	31
«Словно из болотного тумана...»	32
«Друг мой, а что же делать мне...»	33
«Долгий год. Тяжёлые утраты...»	34

2000

«Опутано ложью полмира...»	38
«Я не считал свои утраты...»	40
«А была ли ты на самом деле...»	41
«Зачем и откуда – не знаю...»	42
«Свернёт планета опереньем...»	43
«Я всё оставил на потом...»	44
«Вот и кончилась осень. И ладно...»	45
«Вокруг такая суета...»	46
«И снова ваш спор о судьбе...»	47
«Закружило, запуржило...»	48
«Давно уж ни во что не веря...»	50
«Вновь вернулись в первобытный век...»	51
«Морозы грянули. Крещение...»	52

СВЕЧА.....	53
«Молюсь исправно Богу. Но...»	54
«В суете уходящего века...»	55
«Весной обычно спится плохо...».....	56
«К комфорту привыкла Европа...».....	57
«Свадьбы. Дни рождения. Крестины...»	58
«Так повелось уж на Руси...»	60
«Изрыли caterpillеры...».....	62
«Раньше мы своим гордились прошлым...».....	63
«Твои костры горят далече...».....	64
«Кружась во Всемирном потопе...»	65
«Когда-нибудь настанет час...»	66
«Вступайте, вступайте в союзы...».....	68
«Жизнь – работа. И перечень дел...»	69
«Зачем летали на Луну...».....	70
«Всё учились на чужих примерах...»	71
«Мы шли, не ведая тревоги...»	72
«Очнёшься от шумных застолий...»	73
«Он шёл толпе наперекор...»	74
«Тяжеловесная луна...»	75
«В рыбах есть что-то змеиное...».....	76
«Стихи писали километрами...».....	77
«Не осуждаю, не прошу...»	78

«Он всё ждал грозу в начале мая...»	79
СТАРАЯ ЛАДОГА	80
«В бане пахнет мелиссой и мятой...»	81
«Под утро – снег. Застыли лужи...»	82

2001

«Учись довольствоваться малым...»	86
«Компьютеры, ксероксы, факсы...»	87
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ	88
«Эпоха грядущего хама...»	89
«Жить хотелось бы получше...»	90
«Не зная, что будет наверно...»	91
«Не ощущаем, как когда-то...»	92
ДУХОВ ДЕНЬ	93
«И снова – март. И снова – слякоть...»	94
«Не включай телевизор, не надо...»	95
«Мгновеньем надо дорожить...»	96
«Не понять нам теперь всё равно...»	97
«Была когда-то Родина. А ныне...»	98
СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА	99
«Боже, как мы все устали...»	100
«Кругом – бардак. Кругом – бедлам...»	101

«Жизнь суетой такой наполнишь...»	102
«Ну вот и закончилось лето...»	103
В ОСЕННЕМ ПАРКЕ.....	104
«Предвижу скорую разлуку...»	105
ЗИМНИЙ ПЛЯЖ.....	106
ЗАКАТ	107
В САНАТОРИИ.....	108
ПРУД.....	109
«Во тьме пропал товарищ мой...»	110
«Украшена огнями ёлка...»	111
СВАЛКА	112
«Человек боится темноты...»	113
«На всех – и сытых, и голодных...»	114
БИОГРАФИЯ	115
«Причинно-следственные связи...»	116
«Скоро мы оставим мир подлунный...»	117
«Мне ночью плохо спится...»	118
«Ах, как раньше писалось...»	119
«Хотелось жить легко, красиво...»	120
ВОКЗАЛЬНОЕ.....	121
«Какая осень! После бани...»	122
«От Родины снежной и сложной...»	123
РИМ	124

«Чайки белокрылые кричали...»	125
«Белоснежным и розовым маем...»	26
«А в Лондоне под Рождество...»	127
«В Лондоне, конечно, жить неплохо...»	128
В СТАРОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.....	129
АФОН.....	130
В МИРАХ ЛИКИЙСКИХ.....	131
«Вьюги катятся с Ямала...»	132
«Метёт по всей округе...»	133
«Иная жизнь, иные сны...»	134
«Застыли великие реки...»	135
«От Волхова до Иртыша...»	136
«Где-то спят большие города...»	137
«Осень скоро постучится...»	138
«Отмечаю последние даты...»	139
«Тяжелеют волны у реки...»	140
«Вот наконец-то и зима...»	141

2002

«Небеса обличительны немые...»	144
«И флаг у нас теперь, и гимн...»	145
«Нам всем конец? Не верю!..»	147

«Похоронив отца и мать...»	148
«Слава Богу – всё со мной...»	149
«Как второсортное кино...»	150
«Когда ненастье на пороге...»	151
«Безнадёжно устав от прогресса...»	152
НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО ТЕМЗЕ	153
«Растаял след инверсионный...»	154
УСТЬЕ	155
«С зимой, похоже, всё в порядке...»	157
«Пусть на дворе ещё зима...»	159

2003

«Погаснут светила в полуночный час...»	162
«Смотрю телевизор, тупея...»	163
«Я высказаться тороплюсь...»	164
«Всё выше, и выше, и выше...»	165
«Жизнь состоит из работы...»	166
ВЕСНА	167
«Струится дымкой горизонт...»	169
НЕМЯТОВО	170
«Мы были крепче стали...»	172
«Ночь темна. И дождик блёклый...»	174

«Этот вечер не тронут прогрессом...»	176
«В суете, в круговерти...»	177
«Пишу, пишу – а толку?...»	179
«Живём по человеческим законам...»	180
С ЯРМАРКИ	181
ДОЖДИ	183
«Давно не пахнет русским духом...»	185
«В жизни всё идёт по плану...»	186
МОЖЖЕВЕЛОВАЯ РОЩА	189
«Избавленный от мелочных обид...»	

2004

«Дни нашей жизни коротки...»	194
«Исчерпан февраль без остатка...»	195
«Зачем, скажи, нудя и мучась...»	196
«Реклама...»	197
БЕССОНИЦА	198
НОВЫЙ ГОД НА ДАЧЕ	199
«Мы стали с тобой далеки...»	200
«Смурная вьюга злится...»	201
ПОЕЗДКА	202
«Заветное счастье украли...»	204

РОЖДЕСТВО.....	205
«Как смеялось и пелось...».....	206
«Жизнь уходит понемногу...»	207
«Смирил Господь. Болею...».....	208
«Промозглый питерский февраль...»	209
«Не зарекайся никогда...»	210
«Не пряча голову, как страус...».....	211
ВЫБОРЫ	212
«В разноголосии племён...».....	213
«Критиковать и обличать...»	214
«Вагончики. Сарайчики. Балки...».....	215
«А вспомнишь — на память приходят не даты...»	216
«Пиши, пиши, писатель...».....	217
«Мир ночной погрузился во мрак...».....	218
«Делили хлеб, делили кров...»	219
«Похоже, слишком много знаю...».....	220
«Вострубят ангелы — пора...»	221
ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД	222
«Выпил рюмку. Покушал...»	223
«Весны долгожданный приход...»	224
КОМАНДИРОВКА	225
«Я не уеду никуда...»	226
МЕТРО.....	227

В ОЖИДАНИИ РАЗВЯЗКИ. Лев Аннинский	228
ГЕОГРАФИЯ ДУШИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА.	
Сергей Козлов	238
«СООБРАЗУЯСЬ С ВЕКОМ СИМ...» Б. Лукин	245
Д. Мизгулин. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ.....	256

Литературно-художественное издание

МИЗГУЛИН
Дмитрий Александрович
Избранные стихотворения
2-ое издание дополненное
Некоммерческое издание

Редактор В. А. Рыбакова
Вёрстка и дизайн – А. А. Евменова
Корректор В. А. Неёлова

Подписано к печати 17. 07. 2019. Формат 60х84/16

Бумага мелованная. Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 17. Тираж 1000

Заказ

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06